

**ДМИТРИЙ
МЕДВЕДЕВ**

**СИЛЬНЫЕ ДУХОМ
ЭТО БЫЛО ПОД РОВНО**

**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Тайный фронт

Дмитрий Медведев

**Сильные духом.
Это было под Ровно**

«Алисторус»

1948, 1951

УДК 323
ББК 63.3

Медведев Д. Н.

Сильные духом. Это было под Ровно / Д. Н. Медведев —
«Алисторус», 1948, 1951 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00180-752-0

В июне 1942 года бойцы партизанского отряда специального назначения «Победители» Четвертого управления НКВД под командованием Дмитрия Медведева десантировалась на Житомирщине. Среди высадившихся был легендарный разведчик Николай Кузнецов. Действуя с июня 1942 года по март 1944 года на территории центральной и западной Украины, отряд Д. Н. Медведева провел свыше 120 крупных операций, уничтожил ряд высокопоставленных лиц оккупационного режима (11 генералов и высших государственных чиновников), до 2000 немецких солдат и до 6000 полицейских и украинских националистов... Об этом и многом подробно и честно рассказал автор в своей книге «Это было под Ровно» (1948 год), которая в 1951 году была переиздана в расширенной редакции под новым названием «Сильные духи».

УДК 323

ББК 63.3

ISBN 978-5-00180-752-0

© Медведев Д. Н., 1948, 1951

© Алисторус, 1948, 1951

Содержание

Страницы жизни	6
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвертая	32
Глава пятая	39
Глава шестая	44
Глава седьмая	51
Глава восьмая	61
Глава девятая	66
Глава десятая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дмитрий Медведев
Сильные духом. Это было под Ровно

© Медведев Д. Н., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Страницы жизни

У этой книги счастливая судьба. Первое ее издание вышло в 1951 году, и с тех пор только в СССР она издавалась более 50 раз. Книга переведена на многие языки, издана во многих странах.

В нашей стране роман Дмитрия Медведева «Сильные духом» знаком всем. Люди пожилые читают эту книгу как часть своей собственной жизни. Молодые черпают в ней силы для будущего. Юные поколения входят с ней в жизнь. Я видел ее в пионерском лагере и в геологической экспедиции. Она – на столе в комнате общежития строителей БАМа и в кабинете ученого. Она – на полках всех общественных библиотек.

Сильные духом шагают по планете. Как-то мне довелось выступать перед студентами ВГИКа в Москве. Ко мне подошел смуглый юноша, улыбаясь, протянул руку. Он еще плохо говорил по-русски. Но я понял: этот студент режиссерского факультета приехал на учебу из лагеря палестинских беженцев в Ливане.

– О, Дмитрий Медведев! Вы его знали! Завидую! В нашем лагере был один экземпляр его книги. Ее читали тысячи людей, по очереди. В ней мы находили и надежду и силу!

У юноши не хватило слов. Он долго тряс мою руку, а по щекам его текли слезы. Все в зале встали и зааплодировали. Не мне, ему, который сумел понять нашу историю, наши страдания и наши победы. И воспринять как свои.

В чем же причина долголетия этой книги? Ее особой притягательности?

Конечно, мне, участнику описанных в ней событий, нелегко отвлечься от личных оценок, взглянуть на книгу со стороны. Но с тех пор минуло столько лет, я слышал столько отзывов, что, кажется, могу выразить мнение многих, не только свое.

Главное в книге – правда жизни. Правда во всем: в документальной достоверности, в отсутствии домыслов, в простоте и точности языка, без литературных «красивостей» и тех излишне подробных описаний, которые вызывают недоверие. Правда в искренности и заинтересованности самого автора, ибо Медведев руководил теми людьми, о которых пишет, отвечал за них своей жизнью и честью. Эта заинтересованность, ощущаемая в каждом слове, в каждой интонации, приобщает читателя к происходящему, создает внутреннюю его связь с автором.

Правда в изображении духовного мира советских людей, волей обстоятельств объединенных в маленький коллектив, в военных документах называемый разведывательным отрядом «Победители». Читатель узнает свои собственные помыслы и побуждения, свое мировоззрение, весь строй нашей жизни, который этот маленький коллектив с такой чистотой пронес через все испытания войны – в неимоверно тяжелых условиях партизанской борьбы, подполья, разведки.

И еще одно. В романе описаны события подчас удивительные, даже как будто исключительные. Сам автор в эпилоге восклицает: «Неужели все это происходило с нами?» И в то же время читатель ни на миг не утрачивает доверия к рассказу. Потому что в соответствии с жизненной правдой в этом рассказе исключительны не люди, а обстоятельства. Ну что ж, на войне исключительность в порядке вещей! Парадокс этот кажущийся. Литература – наша письменная память – собрала за сорок послевоенных лет огромное количество фактов об Отечественной войне. И каждый факт неповторим, каждый исключителен. Но факт этот тогда имеет право на место в истории, когда за ним человек. Переворачивая последнюю страницу книги, читатель уже ясно понимает, что ее название «Сильные духом» относится не только к героям романа, но и к каждому советскому человеку, а за маленьким отрядом «Победители» стоит вся страна, весь народ.

Жизнеутверждающий пафос этой книги в ее страстной партийности. И в этом тоже правда жизни. Не побоюсь сказать, что мы шли в бой не только за жизнь свою и своих близ-

ких, не только за свой дом, свою землю. Мы шли в бой за коммунизм. Мы это ясно понимали. И потому именно там, в кольце врагов, в тяжелейшие минуты борьбы вступали в партию. Об этом со сдержанной гордостью пишет Медведев. Ибо он был коммунистом в самом высоком значении этого слова.

Да, наш отряд был отрядом единомышленников. И в этом была его сила. Вот короткая предыстория отряда.

В первых числах июля 1941 года в течение нескольких дней все коридоры Центрального Комитета комсомола были буквально забиты молодежью. Сюда пришли комсомольцы с одним требованием – отправить поскорее на фронт, на самый ответственный участок фронта. Здесь были студенты, рабочие, спортсмены, даже несколько школьников старших классов московских школ.

Формировалась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения. Кто мог тогда предвидеть будущую славу и бессмертие этих мальчишек и девчонок?

А в это время западная пресса, ссылаясь на гитлеровские источники, писала, что в Москве большевики организовали бригаду головорезов для выполнения секретных заданий.

800 комсомольцев вступили добровольцами в нашу бригаду. Пришли к нам и известные спортсмены: Шатов, Королев, Капчинский, Кудрявцев, Чихладзе, Тарачков, братья Знаменские и многие другие. Вскоре по предложению Георгия Димитрова в бригаде был сформирован интернациональный батальон из антифашистов почти всех стран Европы, нашедших в СССР политическое убежище.

Из состава этой бригады почти с первых дней ее существования формировались разведывательные группы и отряды, которые возглавляли чекисты.

Дмитрий Николаевич Медведев стал чекистом в 1920 году в Брянске в возрасте двадцати двух лет. Он родился в Бежице под Брянском в семье рабочего-сталевара. Старший брат Александр до революции был членом подпольного окружного комитета РСДРП, после революции возглавил брянскую ЧК. Обстановка в те годы в Брянске была весьма сложной: в городе действовали контрреволюционные группы, еще достаточно сильны были меньшевики, эсеры, анархисты. Большевики во главе со стойким ленинцем Игнатом Фокиным вели напряженную борьбу за упрочение Советской власти на Брянщине. Здесь Дмитрий Медведев под руководством брата прошел первую чекистскую школу, здесь вступил в Коммунистическую партию.

Вскоре по призыву Дзержинского Медведев едет добровольцем в Донбасс, где в течение нескольких лет ведет борьбу с бандами, белогвардейской агентурой, помогая восстановлению важнейшего промышленного района страны.

Почти двадцать лет работает на Украине чекист Дмитрий Медведев. Старобельск, Бахмут, Херсон, Одесса, Кировоград, Новоград-Волынский, Киев... (В те годы чекистов непрерывно переводили с места на место в связи с делами, которые они вели). В этих городах помнят Дмитрия Медведева и как чекиста и как пламенного агитатора, комсомольского вожака, организатора спортивной работы. Стоило ему проработать в городе месяц-другой, и он уже поднимал общественность на строительство стадиона, проводил массовые соревнования, в которых непременно участвовал сам.

Война застала Дмитрия Николаевича под Москвой. По болезни он перешел на гражданскую работу, но в первые же дни войны Медведев обратился к командованию с просьбой снова призвать его и направить с партизанским отрядом в тыл врага.

В конце августа Медведев осуществляет остроумную операцию по переброске своего отряда через линию фронта среди бела дня, под носом у противника, без единого выстрела. Фронт проходил уже недалеко от Брянска. Начинается пятимесячный рейд отряда, заложивший основы будущего брянского партизанского края. Десятки успешных боевых операций, дерзкие партизанские налеты на гарнизоны, железнодорожные станции, аэродромы, взрывы мостов, нападения на военные транспорты... Где бы ни действовал отряд Медведева, он везде

становился центром сопротивления оккупантам. Медведевцы связывали местные партизанские группы и отряды при помощи своей радиостанции с Москвой, распространяли листовки, проводили в селах митинги. И это в самые тяжкие дни гитлеровского наступления на Москву, когда немцы то и дело объявляли о захвате столицы.

В январе 1942 года, выполнив задание, выросший вдесятеро отряд возвратился в Москву. «Правда» в передовой писала о славных делах медведевцев. Командир отряда Дмитрий Медведев и комиссар Георгий Кулаков за этот рейд были награждены орденами Ленина.

Накопив первый опыт партизанской и разведывательной работы, Дмитрий Николаевич разрабатывает план организации разведывательных действий в глубоком тылу врага. План принят, осуществление его в районе города Ровно поручается Дмитрию Николаевичу Медведеву.

В конце апреля я впервые встретился со своим будущим командиром. И первое впечатление об этом красивом, полном сдержанной энергии человеке, удивительной пластичности, лучистости его взгляда, о мужественности и благородстве его облика сохранилось у меня навсегда.

С будущим нашим комиссаром Сергеем Трофимовичем Стеховым я познакомился несколько ранее. Сергей Трофимович Стехов родился в сентябре того же 1898 года, что и Медведев. И так же прямо прошел свой жизненный путь. Он рано осиротел и с двух лет воспитывался у чужих людей. Приемным отцом его был кузнец, приемной матерью – прачка. Своих детей у них не было, они воспитали восьмерых приемышей.

Детство тяжелое – работал в кузнице, на кирпичных заводах. Учиться приходилось урывками, самостоятельно. И все же он окончил училище с отличием, поступил учеником телеграфиста. А в 1915 году сдал экзамен и стал работать в конторе связи города Георгиевска. Там его и застала революция.

Уже с февраля 1917 года Стехов – член большевистского ревкома работников связи. В 1918 году Стехов участвует в обороне города от белоказачьих банд полковника Агоева, тяжело ранен. В 1919 году, когда Северный Кавказ был захвачен деникинцами, Стехов, заболевший сыпным тифом, схвачен деникинской охранкой и закован в кандалы. Вызволила его из тюрьмы Красная Армия.

А потом командировка в Москву на учебу. Работа в Наркомате связи. Партийная мобилизация в Донбасс. Партийная мобилизация в Казахстан. С 1939 года он чекист. С первых дней Отечественной войны Стехов добровольно ушел на фронт. Затем комиссар полка ОМСБОН. К тому времени, когда Стехов был назначен комиссаром нашего отряда, он уже стал любимцем всей бригады.

И еще одна биография. В 1911 году в лесном уральском селе Зырянка в крестьянской семье родился мальчик, нареченный Никандром. Он рос, как все сельские ребята. Но одна черта отличала его с ранних лет: острое чувство справедливости. Может быть, поэтому среди сверстников он всегда казался старшим. И, может быть, потому через много лет он стал чекистом...

Но истинное призвание этого человека я понял лишь после войны, когда побывал на Урале, встретился с товарищами его детства, его юности. Больше всего на свете он любил лес! Любил нежно и глубоко, мудро и заботливо. Учась в лесном техникуме в Талице, он собрал гербарий. И потом всюду возил с собой. Как частицу родного леса. Как мечту. Недавно гербарий был обнаружен в Кудымкаре, где Кузнецов после окончания техникума работал таксатором леса. Оказывается, он подарил свой гербарий краеведческому музею, когда счел себя мобилизованным, стал чекистом и ушел воевать на невидимый фронт.

В Москве на улице Карла Маркса отмечен мемориальной доской дом № 20. С 1940 года здесь жил Николай Кузнецов (имя Никандр казалось ему громоздким, и, достигнув совершеннолетия, он изменил его на Николай). Жильцы дома не догадывались, что этот подтяну-

тый, аккуратный и педантичный инженер – гроза гитлеровской шпионской агентуры, усиленно засылаемой в те годы в нашу страну.

Я коротко рассказал о трех биографиях, о трех жизненных дорогах, которые так закономерно привели трех человек в отряд «Победители». А нас в отряде было сто. Сто дорог, которые с такой железной закономерностью сошлись в одной точке. У всех у нас разница была лишь в возрасте, в длине пути, в опыте жизни...

В бригаде отмечали Первое мая. В большом клубном зале весь наличный состав (многие на задании – в тылу врага). Начальство из Москвы задерживается, командир бригады нервничает, поглядывает на часы. А у нас свободное время, можно поговорить. Мы, будущие партизаны-медведевцы, сидим в зале тесной группой. Вполголоса беседуем между собой – знакомимся. Несколько месяцев не был я в бригаде (находился в другой части). Оглядываю ребят. Как изменились, повзрослели! Ведь за спиной уже десять месяцев войны. И сколько потерь! Бригада участвовала в битве под Москвой. Мы минировали шоссе, по которым гитлеровцы рвались к столице. Шли с гранатами на вражеские танки. В ближних тылах у наступающих гитлеровцев рвали линии связи, пускали под откос поезд, били из засад по колоннам автомашин. И хоронили товарищей в заснеженных полях Подмосковья. Вся страна уже знала имена наших однополчан – героев-лыжников, погибших в неравном бою с фашистами под деревушкой Хлуднево. Там, над братской могилой, еще не было обелиска, но о них уже пели песни и художники писали картины. И одному из них уже было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза...

Но вот за окнами прошумели машины. В зал вошел генерал. За ним Медведев. Он сразу нашел нас глазами, радостно улыбнулся. Шепнул что-то подошедшему Стехову. Оказывается, задержал звонок из Главного штаба. Новые планы, новые задания.

Да, уже зреют планы будущих победоносных кампаний. И для этого уже работают наши товарищи в немыслимо тяжелых условиях подполья в Одессе, Киеве, Харькове, Минске... Имен их еще не знает народ. И лишь после победы, из протоколов допроса, станут известны гордые слова Молодцова, схваченного одесскими гестаповцами. На предложение подать просьбу о помиловании он ответил: «Я на своей земле и пощады у врагов не прошу!» А когда Лягину, работавшему в Николаеве, перед расстрелом гестаповцы зачитывали смертный приговор и перечисляли ущерб, нанесенный им рейху, он воскликнул: «Жалко, что мало, надо было сделать еще больше!»

То были наши товарищи. Такие же простые ребята, как и те, что сидят сейчас рядом с нами в зале, шагают в одном строю, стоят в очереди за котелком каши, по вечерам пишут домой письма... И когда приходит час испытаний, находят в себе силы оставаться людьми!

Готовились и мы.

Но вот торжественное заседание началось. Доклад был посвящен войне. Потом пели «Интернационал». Пели на десятках языков. А затем, начиная концерт, вышел на эстраду наш однополчанин Семен Гудзенко. И прочитал только что написанное им стихотворение. Я помню последние строки. Мне они представляются лучшим предисловием к этой книге:

Был путь как Млечный – раскален и долог.
Упрямо выл над соснами металл.
Обветренный, прокуренный филолог
военную науку постигал.
Он становился старше и спокойней
и чаще письма матери писал.
Мы говорили: «Отбушуют войны.
Мы по-другому взглянем в небеса.
Сильней полюбим и сильней подружим.

Наш путь, как Млечный, вечно раскален.
Нам дня не жить без битвы и оружия,
и будет порох словом заменен».

*А. Цессарский*¹

¹ Альберт Вениаминович Цессарский (1920–2010) – советский писатель, заслуженный врач РСФСР. В 1942–1944 годах – начальник медицинской части действовавшего под Ровно партизанского отряда «Победители», под командованием Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева. – *Прим. ред.*

Часть первая

Глава первая

Есть в жизни у каждого из нас минуты наивысшего подъема всех сил, незабываемые минуты вдохновения. В моей жизни, жизни рядового коммуниста, минуты эти неизменно связаны с получением заданий партии. Каждый раз, получая очередное задание – а из этих «очередных заданий» и состоит вся биография людей моего поколения, – я испытывал это непередаваемое состояние внутренней мобилизованности. Мысль работает в одном направлении; планы, развиваясь, вырастают в мечты; мечты, в свою очередь, обретают зримую реальность планов, с поразительной ясностью видишь свой завтрашний день, трудный и радостный, и хочется приступить немедленно к делу, каждая минута промедления кажется невыносимой.

Именно такое состояние испытывал я апрельским вечером сорок второго года, идя по молчаливым, рано обезлюдевшим, затемненным улицам Москвы.

Незадолго перед тем я вернулся из Брянских лесов, где в течение полугода командовал партизанским отрядом. И вот теперь мне поручено сформировать новый отряд – группу людей, которая выбросится на парашютах в глубоком тылу противника, в лесах Западной Украины, осядет там, сплотит вокруг себя местное население и поведет активную борьбу против немецких оккупантов.

...Сурова и необычно тиха вечерняя, затемненная Москва, но такая она еще дороже. На улице Горького, у Центрального телеграфа, меня останавливают красноармейцы с автоматами – комендантский патруль.

Мимо проносятся грузовики с бойцами. «Идет война народная, священная война...» – долетает до слуха их песня.

Дорога кажется нескончаемо долгой.

Впереди ночь, томительная, бесконечная... Теперь уже не уляжется беспокойство, не перестанет томить бездействие, пока не окунешься с головой в новую, как всегда захватывающую, волнующую своим высоким назначением работу, порученную партией.

Утром следующего дня в номере гостиницы «Москва», где я тогда жил, появляется Саша Творогов. С ним мы знакомы по Брянским лесам. Саша еще очень молод, ему немногим больше двадцати, а выглядит он и того моложе. Он в новом летнем обмундировании, которое ему не по росту и топорщится. Стриженный под машинку, с пухлым юным лицом, успевшим уже загореть, Саша похож на школьника или, вернее, на юношу – воспитанника воинской части. Кто бы сказал, что у этого юноши за плечами опыт бывалого партизана!

В начале войны воинская часть, в которой сражался Творогов, попала в окружение. Молодой боец не растерялся. Вместе с товарищами он направился из лесов Белоруссии к линии фронта, уничтожая по дороге вражеские автомашины. Осенью 1941 года группа оказалась в Брянских лесах, где и присоединилась к моему отряду. Так произошло наше знакомство.

В первой же операции Саша зарекомендовал себя отважным воином: оказавшись в сложной обстановке, он проявил выдержку, находчивость и незаурядные способности разведчика. Скоро он окончательно расположил всех нас к себе своей скромностью и старанием. Саша стал начальником разведки отряда. На этом посту он работал очень успешно.

Желание казаться старше выработало у Саши привычку морщить лоб и какую-то особую сдержанность. Явившись ко мне, он деловито справляется, когда и куда нам предстоит лететь. Что его участие в отряде – вопрос решенный, это для Саши вне сомнений.

– А ребят возьмете? – спрашивает он, имея в виду наших брянских партизан, и тут же советует: – Хорошо бы Дарбека Абдраимова, и еще найдется человек двадцать. Списочек я вам составлю...

Вскоре приходит майор Пашун, начальник штаба отряда, за ним майор Стехов, назначенный заместителем командира по политической части. Он подтянут, тщательно выбрит. В армии Стехов недавно, но чувствует себя уже кадровым военным. Он охвачен тем же нетерпением, что и мы с Твороговым.

– Местом базирования отряда намечены леса в районе города Ровно, – объясняю я, отвечая на вопрос Творогова. – Выбор не случайный. В Ровно фашисты устроили «столицу» оккупированной ими территории Украины. В этой «столице» находится со своим рейхскомиссариатом наместник Гитлера, имперский комиссар Эрих Кох, здесь сходятся все-нити управления гитлеровцев на украинских землях.

– Почему именно здесь? – спрашивает Творогов. – Почему не в Киеве?

– Они, видимо, полагают, что в Ровно, за полторы тысячи километров от фронта, им будет спокойнее. Ведь Западная Украина – это, если можно так выразиться, младшая сестра в нашей большой советской семье. Не год, не два, а много лет она находилась на чужбине. Здесь долгое время хозяйничали австрийцы, а после первой мировой войны – польские паны. Сохранилось кулачество, бывшие помещики с их прихвостнями; сохранились осколки петлюровцев, буржуазных националистов и другие матерые враги нашей Родины. Эти люди, верные своей подлой натуре, служат теперь гитлеровцам. Поэтому-то гаулейтер Кох предпочитает сидеть в Ровно, а не в Киеве. Но и здесь ему не должно быть покоя!..

Все согласились, что следует включить в отряд несколько уроженцев Западной Украины, хорошо знающих ее. Найти и подобрать этих товарищей было поручено Творогову.

...Наш отряд – пока еще московский – рос не по дням, а по часам. Люди шли и шли – мы со Стеховым не успевали принимать всех желающих. Каждый из новичков просил к тому же, чтобы приняли в отряд одного-двух его знакомых. Иногда эти знакомые звонили и являлись сами.

Так, позвонил мне однажды молодой человек, назвавшийся доктором Цессарским. Он явился сразу же после телефонного звонка и заявил, что просит зачислить его в отряд.

– Вы очень молоды для врача, – сказал я, выслушав его просьбу.

– Я окончил медицинский институт. Будучи студентом, практиковался в институте имени Склифосовского.

– Вы хирург?

– Да. Знаю полевую хирургию.

– Это хорошо, что вы хирург, но нам нужен врач по всем болезням, да такой, чтобы в него бойцы верили...

– Понимаю... Хвалить себя трудно. Спросите обо мне товарищей из отряда, они меня знают.

– Кто именно?

– Шмуйловский, Селескериди, Базанов – многие!.. От них я и узнал, что вы формируете отряд.

Я внимательно рассматривал своего собеседника. Высокий, стройный юноша с темными вьющимися волосами, правильные черты лица... Держался он просто, с достоинством, и только глаза выдавали глубокое внутреннее волнение, с каким он ждал моего ответа. Юноша мне нравился. Я чувствовал, как искренне стремится он на опасный участок борьбы с врагами.

Я готов был уже согласиться, но меня остановило то, что молодой врач стоял передо мной в военной форме – в шинели с петлицами и пилотке.

– Вы служите в армии?

– Да. В первые дни войны я подал заявление в Московский комитет комсомола. Проси – направить на фронт, а меня взяли да и заперли во внутренние войска.

– Но теперь вас оттуда не отпустят!

– По вашему ходатайству... – Юноша замялся. – Я не хочу сидеть в тылу. Очень прошу вас добиться...

Через полчаса я был в кабинете командующего внутренними войсками, генерал-полковника.

– Врач Цессарский из вашей дивизии просится в отряд полковника Медведева, – сказал кому-то по телефону генерал, пробегая глазами рапорт Цессарского. – Как вы на это смотрите?

Выслушав ответ, он решил:

– Здесь можно сделать исключение.

И написал на рапорте: «Откомандировать Цессарского в распоряжение тов. Медведева».

...Подготовка отряда заняла около месяца. В окрестностях Москвы, в лесу, был разбит лагерь. Живя там, мы ежедневно тренировались в стрельбе, изучали тактику. Вблизи лагеря находилось озеро, и, воспользовавшись этим, мы стали практиковаться в постройке плотов, переправлялись на них с берега на берег.

В свободные часы разучивали песни. Не просто пели, а именно разучивали. Большими энтузиастами и мастерами этого дела оказались Цессарский и его друг Гриша Шмуйловский. Они как никто любили песню, понимали в ней толк, а главное – отдавали себе отчет в том, что она должна сослужить хорошую службу в нашей партизанской жизни. Они так и говорили: «Нужно взять с собой туда побольше песен!»

Цессарский появлялся в лагере только по вечерам. Целыми днями он носился по городу, запасаясь в больших количествах перевязочным материалом, медикаментами – всем, что могло понадобиться с первого же дня пребывания во вражеском тылу...

Впоследствии я узнал еще об одном занятии, которому наш доктор посвящал это время. Он совершенствовался в хирургии, читал медицинские книги, консультировался у профессора своего мединститута. Шутка ли – ему предстояло быть врачом по всем болезням.

Как командир отряда, я пользовался каждым случаем, чтобы поговорить с людьми о предстоящей нам жизни. Полугодовой опыт командования партизанским отрядом в Брянских лесах позволял предвидеть условия, в которых придется работать, трудности, которые нас ожидают. Я рассказывал о них товарищам, ничего не утаивая, предупреждая о лишениях, о постоянном риске, с которым связана жизнь партизана. И видел по глазам молча слушавших людей, что опасности и лишения ни в ком не вызывают страха.

Перелететь сразу в намеченное место, в Сарненские леса Ровенской области, оказалось делом весьма трудным. Сарненские леса были слишком далеко. Лететь над оккупированной территорией можно только ночью, а весной ночи короткие: самолет не успеет затемно сделать рейс и вернуться обратно. К тому же появление советских самолетов могло привлечь внимание гитлеровцев к Сарненским лесам, и это сразу же подвергало отряд большой опасности. Мы решили поэтому лететь ближе – не в Сарненские, а в Мозырские леса, оттуда к месту назначения добираться пешком. Наметили для приземления район села Мухоеды, расположенного на границе Ровенской области.

В конце мая вылетела первая группа из четырнадцати человек. Во главе группы полетел Саша Творогов. В списках бойцов отряда он стоял первым.

– Чтобы ни случилось, мы встречаемся у села Мухоеды, – предупредил я его перед вылетом.

Через два дня пришла радиограмма, в которой Творогов сообщал, что вместо Мозырских лесов группа оказалась южнее Житомира. Это почти за триста километров! Мало того, местность оказалась безлесной, укрыться негде.

Еще через день Саша сообщил о своем решении, невзирая ни на какие трудности, пробираться в Мозырские леса, к назначенному месту сбора. Во время передачи этого сообщения связь неожиданно прервалась.

Мы ждали день, два, три – связи все нет и нет. Что могло случиться?

Решили отправить вторую группу. Виктору Васильевичу Кочеткову, возглавившему ее, было поручено во что бы то ни стало разыскать Творогова и обеспечить прием всего отряда. Но и на этот раз нас подстерегала неудача: Кочетков и его товарищи оказались тоже не у села Мухоеды, а севернее на двести километров.

Спустя некоторое время, однако, Кочетков радировал со станции Толстый Лес. Это на железной дороге Чернигов – Овруч, в тридцати километрах от Мухоед. Кочетков сообщал, что там он остановился и организует сигналы для приема новой группы парашютистов.

Настроение поднялось. Третья группа во главе с начальником штаба отряда Пашуном вылетела к Толстому Лесу. В составе этой группы не было радиста – их у нас не хватало, – но зато в звене были два партизана, хорошо знавшие и Мозырские леса, и даже самую станцию Толстый Лес.

Мы сообщили Кочеткову, чтобы он встречал самолет кострами.

«Костры зажег», – ответил Кочетков.

Всю ночь я ходил по комнате из угла в угол, не в силах ни спать, ни даже присесть, поминутно смотрел на часы, и, вероятно, именно поэтому время тянулось особенно медленно. С наступлением рассвета ожидание стало еще более мучительным. Чем светлее становилось утро, тем тревожнее делалось на душе. Когда наконец с аэродрома сообщили желанное «прилетели», я почувствовал, насколько выбился из сил за одну эту ночь.

– Все в порядке, – доложил пилот. – Парашютисты сброшены на сигналы у станции Толстый Лес.

Но в то же утро Кочетков радировал, что никакого самолета не было, хотя костры горели всю ночь. Что за наваждение? Значит, опять не туда сбросили людей! Радиста у Пашуна нет, стало быть, и вестей от него ждать нечего.

Творогов пропал, Пашун неизвестно где...

«Вылетаю сам», – тут же решил я и тут же, обратившись к командованию, получил категорический отказ. Осталось ждать.

С очередным звеном – четвертым – полетел Сергей Трофимович Стехов. Как ни печально, но и его группу тоже выбросили не на сигналы Кочеткова.

«Не было никакого самолета», – сообщил Кочетков. «Третий день, – радировал Стехов, – не могу определить место, где нахожусь. Посылаю людей в разведку – не возвращаются».

Волнение достигло предела. Я категорически потребовал, чтобы мне разрешили отправиться самому. Наконец последовало согласие.

Со мной должны были лететь Александр Александрович Лукин, назначенный после исчезновения Творогова начальником разведки отряда, радистка Лида Шерстнева и несколько бойцов-испанцев.

Они были из числа тех испанских товарищей, которые в свое время сражались за свободу своей Родины и потом бежали от фашистского террора Франко. Когда началась Великая Отечественная война, испанские антифашисты, обретшие у нас свою вторую родину, стали просить Советское правительство об отправке их на фронт. Они заявили, что, участвуя в войне Советского Союза против гитлеровской Германии, они тем самым ускоряют освобождение своей родной Испании. Пятнадцать испанцев были зачислены в наш отряд.

Вечером двадцатого июня я со своей группой был на аэродроме. Провожали нас товарищи по первому отряду.

Прощание было недолгим. Провожаящие знали, что мы летим на запад, что писем от нас скоро не будет, но ни о чем не расспрашивали, лишь желали счастливого пути, счастливой

звезды, говорили те привычные, скупые, но полные значения напутственные слова, что надолго западают в сердце. В назначенное время самолет был готов. До свидания, Москва!

Как всегда, в первые минуты пути мы еще всеми мыслями там, в городе, который только что покинули, с теми, кто еще четверть часа назад пожимал нам на прощание руки. Но вот эти мысли постепенно отходят, появляются новые, и они устремлены уже не назад, не в прошлое, а в ту новую, неизвестную и волнующую жизнь, которую мы начнем с наступлением утра. В самолете возникает оживленный разговор, кто-то начинает песню: русская сменяется испанской, испанская – украинской, и так всю дорогу.

Пролетая над линией фронта – а она проходила не так далеко, несколько западнее Тулы, – самолет оказался в слепящих полосах прожекторных лучей. Вокруг нас рвутся снаряды немецких зениток. Но самолет счастливо минует опасную зону. Прошел еще час, и последовала команда – приготовиться к прыжку.

Я глянул в окно и отчетливо увидел внизу огни костров. Самолет, делая круг, пошел на снижение. Мы выстраиваемся в затылок у открытой бортовой двери. Там, за дверью, ночь, пустота. Трудно справиться с волнением.

– Пошел!

Прыгаю первым.

Нас сбросили высоко – метрах в девятистах от земли. Небо ясное, над головой ярко светит луна, внизу, на земле, видны костры, но они удаляются – ветер относит нас в сторону. Кругом парашютисты – вверху, справа, слева. Вот один пролетел мимо меня, обгоняя. Успеваю подумать: парашют раскрылся не полностью, может разбиться человек.

Внизу лес. По правилам приготовился: взялся крест-накрест за лямки. Но в тот же миг рвануло воздушной волной, отнесло в сторону и наконец стукнуло о землю. От опушки леса меня отнесло метров на сорок.

Заранее было условлено, что я зажгу костер и на огонь соберутся приземлившиеся парашютисты. Но я так ушибся при падении, что не могу встать на ноги и набрать хворосту для костра. Тогда я подтягиваю к себе парашют, зажигаю его и, держа наготове автомат, отползаю в кусты. Как знать, кто сейчас придет на этот костер!

Слышу чьи-то осторожные шаги. Спрашиваю:

– Пароль?

– Москва!

– Медведь, – отвечаю и громче: – Брось свой парашют на огонь, иди ко мне.

– Есть!

Подходит Лукин, за ним Лида Шерстнева, потом один за другим появляются остальные.

Километрах в трех-четырех лают собаки, лают беспрерывно, не унимаясь, будто их кто-то все время дразнит. Значит, недалеко деревня.

Собрались все. Последним подошел товарищ, которого я заметил в воздухе. Его парашют раскрылся не полностью, и он неминуемо разбился бы, но, к счастью, ударился ногами о телеграфные провода, протянутые вдоль железной дороги, это смягчило падение.

Я встал, с трудом распрямился.

Компас, звездное небо и железная дорога – этого достаточно, чтобы знать, куда идти. Станция Толстый Лес совсем недалеко.

Итак, мы в тылу врага, за шестьсот километров от линии фронта, за тысячу километров от Москвы.

Глава вторая

Прекрасен летний, весь в зеленом наряде лес. Все кругом напоено его запахом – запахом прелой хвои, душистых смол, ароматами цветов и трав.

На востоке брезжит заря, голубым и розовым окрашивая горизонт, высвечивая в сумерках верхушки деревьев. Обильно увлажненная росой трава проминается под ногами. Мы идем гуськом, ступая точно след в след, оставляя за собой одну-единственную дорожку, по которой даже опытному следопыту трудно определить, сколько прошло тут людей. Осторожность – первое правило партизана.

Тревожен и таинствен этот лес на занятой врагом земле. Кто знает, какой жизнью он живет, кого прячет, кого пошлет нам навстречу – друга ли, врага ли?..

Мы идем молча. Слух напряжен. Стоит грозная тишина.

К девяти утра мы уже близко от станции Толстый Лес. Даю команду на отдых, выставляю секреты, приказываю Лиде Шерстневой развернуть рацию.

Не успел я сделать последние распоряжения, как бойцы из выставленного вперед секрета привели троих людей. Увидев меня, «пленники» радостно улыбаются. Это разведчики Кочеткова.

Минут сорок спустя уже сам Виктор Васильевич рассказывал нам о своих злоключениях. Мало того, что их выбросили на двести километров севернее намеченного пункта, – их угораздило не приземлиться, а «приболотиться». Перебираясь с кочки на кочку, промокшие до костей, они всю ночь до рассвета блуждали по болоту, пока не напали наконец на твердую почву. Промокли спички, и нечем было разжечь костер, нельзя обсушиться. Но спички – это еще полбеды: намочила рация. Радисту стоило невероятных трудов связаться с Москвой.

Я не знал встречи теплее и радостнее, чем эта, в лесу, за линией фронта. Здесь мы как-то особенно глубоко почувствовали, какими крепкими узами связаны, насколько близки и дороги друг другу. Люди наперебой делились новостями, точно не виделись невесть сколько времени. Самое отрадное, что и Стехов со своими товарищами был здесь, в лагере Кочеткова. Здесь же находился и доктор Цессарский. Предполагалось вначале, что он полетит со мной, но план этот был нарушен несчастным случаем, происшедшим в группе Кочеткова. Партизан Калашников, человек пожилой, огромного роста, тяжелый, приземляясь, повис на парашюте между деревьями метрах в шести от земли. Он не стал ждать, пока его снимут. Обрезав финкой стропы парашюта, Калашников рухнул на землю, но подняться уже не мог: кости обеих ног оказались переломленными.

Получив тогда от Кочеткова радиограмму о случившемся, я показал ее Цессарскому:

– Сегодня можете вылететь?

– В любую минуту, – отвечал Цессарский.

– Через два часа.

– Есть.

Незадолго перед тем Альберт Вениаминович Цессарский женился. Он побежал проститься с женой, но не застал ее дома. Так и улетел не простившись. Калашникова в лагере не было. Он лежал в полукилометре от станции Толстый Лес, в будке у путевого обходчика, куда его пристроил Кочетков. Доктор и партизаны навещали его там каждый день.

О Саше Творогове и о Пашуне по-прежнему ничего не известно. Как в воду канули.

Нельзя было терять ни минуты. Мы отправили людей в разведку – узнать, можем ли принимать здесь остальные группы. Под вечер я пошел проверить, как охраняется лагерь, как расставлены посты. Обошел вокруг, пересек большую поляну, углубился в лес. Бор Толстый Лес – недаром так названа железнодорожная станция – действительно могучий. Вековые дубы,

березы, ели, сосны, плотные заросли подлеска образовали сплошной, непроходимый массив. Нигде ни одной тропинки.

Я решил вернуться обратно. Но минут через десять понял, что иду не туда, куда следует. Повернул левее, прошел еще с километр – лагеря нет. Наступили сумерки, и я понял, что окончательно сбился с дороги. А ведь я неплохо ориентируюсь в лесу. Родился я в Белоруссии, в детстве часто ходил по грибы, по ягоды, с юности пристрастился к охоте. Я знал не один способ, как определить в лесу стороны света, знал множество тех лесных безошибочных примет, что ведомы одним охотникам. Полгода, проведенные в Брянских лесах, тоже чему-то научили. И, однако же, сплеховал. Решил взобраться на дерево. Выбрал огромный дуб, ухватился за сук, подтянулся. После падения с парашютом это причиняло нестерпимую боль. Стал карабкаться вверх. Поднялся метров на десять над землей. Кругом во все стороны – лес и лес. И вот в одном месте замечаю дымок. Засек этот ориентир на компас, спустился с дерева и пошел.

К лагерю добрался уже в темноте. У костра шла мирная беседа, слышался сдержанный смех. Говорили об испанце Ривасе. Ривас был механик по самолетам, мы взяли его в отряд, чтобы на всякий случай иметь и такого специалиста. Я прислушался. Рассказывал Толя Капчинский – голубоглазый, атлетически сложенный юноша, рекордсмен Союза по конькам, человек веселый, общительный, ставший нашим общим любимцем еще в лагере под Москвой.

– Ну, значит, – рассказывал Толя, – собрались мы на костер. Сделали переключку – нет Риваса. Пошли искать. Темно, ничего не видно, кричим: «Ривас!» – не отзывается. Всю ночь проискали. Нету. Пропал. Наутро опять в поиски, и опять нет. Уже перед вечером напал я на болотце. Посреди болотца одна осина, да и та тонкая. Вижу, за ней кто-то прячется. Голову спрятал, а плащ-палатка торчит. Присмотрелся – обмундирование наше. Ну, ясно – Ривас! Кричу: «Ривас, выходи!» А он в ответ одно: «Камуфляж! Камуфляж!..»

Узнал меня, обрадовался, обнимает. А потом вдруг вытаскивает из-за пазухи голубя живого. И зачем ему этот голубь – так и не знаю до сих пор.

У костра засмеялись. Все смотрели на Риваса. А тот, маленький, невзрачный, тоже смеется, поблескивая глазами. Он не умел говорить по-русски и не мог объяснить, зачем, в самом деле, понадобился ему голубь.

Лишь через полгода, когда Ривас выучился русскому языку, он рассказал про свои тогдашние страхи, про то, как боялся остаться один. Голубя он поймал, Решив, что съест его, если не скоро отыщет своих.

Настроение было приподнятое. Люди успели освоиться с новой обстановкой, она казалась не такой уж страшной, какой представлялась издали. Мне показали интересную светящуюся «клубу», которую кто-то сделал из гнилушек. Радистка Лида успела уже прицепить гнилушку к волосам, и та играла голубоватым светом, как драгоценный камень.

Я не хотел нарушать этого радостного настроения. Я знал, что оно сменится серьезными делами, трудными заботами, что будут и бои, и кровь, и скорбные минуты прощания с павшими товарищами; что в первом же селе, где мы появимся, нашим глазам предстанет картина человеческих бедствий.

И в тот вечер, как и позже, я старался не омрачать веселья товарищей, когда оно так естественно возникало – от молодости, от силы и духовного здоровья.

Через два дня мы приняли еще одно звено парашютистов.

Самолет высоко пронесся над нашими кострами. Костры горели так ярко, что озарили своим светом и пролетающий самолет, и тучи на небе.

Пролетев над сигналами, самолет ушел в сторону, развернулся и снова показался уже на высоте трехсот метров. От него стали отделяться купола парашютов. Их скашивало в сторону ветром.

Неожиданно, на высоте не более восьмидесяти метров, один за другим раскрылись два парашюта. Первый парашютист упал около костра, поодаль приземлился другой.

Площадка для приема парашютистов была непригодной. Она находилась близко от станции. Рядом и рельсы, и булыжная мостовая, и лесной склад. Приземление на той площадке грозило опасностью изуродоваться. Пришлось радировать в Москву, чтобы людей покамест не отправляли.

...Разведка приносила тревожные вести. По окрестным деревням разнесся слух, что каждую ночь прилетают чуть ли не по двадцать – тридцать самолетов и сбрасывают парашютистов, которых скопилось уже якобы целая дивизия. Об этом разведчикам, не скрывая своей радости, рассказывали местные жители. Слухи эти, конечно, дошли и до фашистов.

– Что же, – сказал Сергей Трофимович Стехов, – если придется драться, покажем, что нас тут дивизия, не будем их разочаровывать.

Но на рассвете двадцать третьего июня мы все же покинули лагерь. Оставили только «маяк» из пяти бойцов, которым поручили наблюдать за станцией. На «маяке» остался и Цесарский. Он должен был лечить Калашникова, который все еще лежал у путевого обходчика. Взять с собой Калашникова мы не могли – ноги у него были в гипсе.

...Мы заметили в пути одинокий бревенчатый домик, затерявшийся в лесной чаще. Послали на разведку трех партизан в штатской одежде. – Попросите поесть и постарайтесь разузнать о противнике, – поручил им Лукин.

На стук вышел крепкий сутулый старик с седыми мохнатыми бровями.

– Чего надо?

– Отец, поесть чего-нибудь не найдется? Старик вынес с десяток сырых картофелин.

– Отец, что немцы, в какой стороне, не знаешь?

– Не интересовался, – ответил старик и плотно затворил за собой дверь.

Не успели мы пройти и километра, как тыловое охранение нашей колонны передало, что задержан подозрительный человек. Он скакал галопом на лошади. Увидев бойцов охранения, подъехал к ним:

– Где можно видеть начальника полиции?

– А зачем он тебе? – спросили партизаны.

– Ко мне только что заходили три хлопца, спрашивали о немцах. По всему видать, партизаны. Ушли вон в ту сторону!

В задержанном мы узнали того самого лесника, у которого брали картофель.

При допросе он сознался, что ехал в районный Центр Хабное, чтобы сообщить карателям о появившихся партизанах. За свое предательство он надеялся получить награду. О себе старик сказал, что был в свое время осужден по уголовному делу советским судом.

– Расстрелять! – таково было единодушное желание всего отряда. Мы его исполнили.

Это происшествие насторожило нас. Хотя люди устали, решено было не делать привала. Часа в три дня всем было роздано по куску вареного мяса. Ели на ходу. Хлеба не было.

Как назло, начался проливной дождь. Одежда и обувь набухли, идти стало тяжело. Прошел час, другой – ливень не утихал. Превозмогая усталость, мы шли дальше и дальше от опасных мест. Лишь к ночи я решил остановиться. Дождь перестал, в лесу пахло сыростью, тучами вились комары. Люди, не привыкшие к длинным переходам, валились с ног и засыпали тут же, на мокрой земле.

На другой день в лесу, среди огромнейших сосен, мы нашли подходящее место для временного лагеря. Судя по всему, тут раньше было культурное хозяйство. На каждом дереве «стрелы» для стока смолы, и к концам их прикреплены чашечки. Мы быстро растянули шесть палаток из парашютов. Недалеко от лагеря выбрали площадку для приема парашютистов. В тот же день укомплектовали подразделение и направили в разные стороны разведчиков. Им было поручено выяснить: не идут ли следом за нами каратели, как живет население в деревнях и нельзя ли где-либо достать продуктов.

Утром двадцать пятого июня охранение лагеря доставило еще одного человека, показавшегося подозрительным. Недалеко от лагеря он тщательно просматривал местность. Бойцам, задержавшим его, он назвал себя местным жителем. При обыске у него нашли справку о том, что он состоит на службе в полиции. Стало ясно, что нас ищут и, быть может, уже напали на след.

В ту же ночь в лагере была тревога. Один из часовых услышал в лесу шорох. В темноте ему не удалось ничего разглядеть. Он шепотом приказал своему напарнику бежать в лагерь и доложить, что слышен шум.

Через несколько минут отряд находился в боевой готовности.

Но вокруг все было тихо, ничто не нарушало лесного покоя. Обшарили кругом всю местность. Ничего подозрительного не обнаружили.

Через час был дан отбой, но остаток ночи мне уже не спалось. Тревога оказалась ложной, но она обнаружила наши неурядицы. Многие товарищи одевались и обувались очень медленно: по пятнадцать – двадцать минут. Бойцы поддежурного взвода спали раздетыми, хотя не имели права раздеваться. Я вызвал к себе командиров подразделений и строго отчитал их.

Наутро Александр Александрович Лукин отправился в том направлении, где ночью часовый слышал шум. Он шел осторожно, держа автомат на изготовку. Вдруг неподалеку от него кто-то шарахнулся в сторону. Быстро, еще не поняв, в чем дело, Лукин ударил прикладом, но... оказалось, что это была дикая козочка. Тут же он услышал, как заблеяла вторая. Лукин поймал обеих козочек и с этими трофеями вернулся в лагерь.

– Вот кто был виновником тревоги!

Поздно вечером в лагерь неожиданно явился в полном составе наш «маяк» со станции Толстый Лес. В числе пришедших был и Цессарский.

– Что случилось?

– Каратели, – коротко отвечал доктор. – Прочесывают лес.

– Где Калашников?

– Арестован вместе с путевым обходчиком. Только теперь мы по-настоящему, со всей остротой

ощутили, в какой опасности находились. Задержись мы около станции, отряд мог весь погибнуть.

В ту же ночь была выделена группа разведчиков во главе с Толей Капчинским. Разведчики получили задачу пойти к станции Толстый Лес и наблюдать за гитлеровцами. Если они вздумают двинуться по нашим следам, немедленно выслать связного, а самим истреблять карателей, отвлекая их боем в сторону от отряда.

Толя Капчинский, с которого вмиг слетела вся его беззаботность, взволнованный и обрадованный этим первым боевым заданием, сдержанно отвечал на каждую фразу: «Есть». Затем собрал разведчиков и долго с ними говорил. На рассвете группа вышла из лагеря.

Но идти разведчикам пришлось недалеко. Уже в полукилометре, на другом берегу маленькой речушки, они обнаружили врагов и тут же первые открыли огонь.

Буквально через две минуты лагерь был на ногах. В палатке со мной находился Сергей Трофимович Стехов. Он успел выбежать раньше меня и во главе поддежурного взвода бросился по направлению выстрелов.

Я вынужден был остаться в лагере. Нельзя бросать радиостанцию и штабные документы. Стрельба разгорается. У речки развернулось настоящее сражение.

Началась стрельба и с другой стороны. Стреляют прямо по лагерю. Быстро посылаю туда группу бойцов во главе с Кочетковым. Из оставшихся партизан расставляю дополнительные посты на случай, если противник вздумает пойти в обход.

Шум боя, каждый выстрел отдаются по лесу громким эхом. Слышно, как кричат немцы, гремит партизанское «ура». Сначала нестройное, оно звучит все дружнее, мощнее, заглушая

голоса фашистов, как бы подминая их под себя. Значит, дело, идет хорошо. Однако же в бою, несомненно, есть раненые. Вызвать Цессарского!

– Доктора нигде нет, – доложил посыльный. – Говорят, что он первым побежал в сторону боя.

Связной, явившийся от Стехова, принес весть, что фашисты подкрадывались к лагерю, но неожиданно напоролась на нашу разведку. Первая группа противника рассеяна, подкреплений пока не требуется, сообщил Стехов.

– Там находится доктор Цессарский. Передайте, что я приказываю ему немедленно вернуться в лагерь, – сказал я связному.

– По вашему приказанию прибыл, – доложил через десять минут Цессарский.

– Кто вам разрешил идти к месту боя?

– Я полагал, что мое место там.

Затвор его маузера, висевшего на колодке, был в крайнем заднем положении: Цессарский выпустил всю обойму.

– Вы врач, у вас есть свои обязанности. Раненых доставят сюда. Приготовьте свою палатку и инструменты. В дальнейшем на будущее запомните, что без моего приказа вы не имеете права отлучаться из лагеря.

– Есть!

Выстрелы и крики то затихали, то вспыхивали с новой силой. Они удалялись. Значит, чаши бьют.

В лагерь принесли первого раненого. Это был испанец Флорежакс. Тяжелая рана от разрывной пули причиняла ему невероятные страдания. Его положили в санитарную палатку. Цессарский приступил к операции.

Вскоре доставили пленных – двух немцев и трех полицаев. Немецкий язык знал один Цессарский, но он был занят, поэтому в первую очередь допросили полицаев.

Изменники Родины, одетые в гитлеровскую форму, шли в составе головной колонны фашистов.

Колонна насчитывала сто шестьдесят человек. Уже в начале боя фашистский офицер, командир колонны, сообщил по радио в Хабное, чтобы немедленно выслали подкрепление.

Цессарский работал, не обращая ни малейшего внимания на стрельбу. Вслед за Флорежаксом появились еще двое раненых. Цессарский очищал раны, накладывал повязки, приговаривая:

– Не волнуйтесь, все будет в порядке, ничего опасного нет.

С поля боя без чьей-либо помощи, залитый кровью, пришел Костя Пастаногов. Рука у него была неестественно вывернута. Ослабевшим от боли и потери крови голосом он сказал:

– Всыпали гадам! – и упал на землю.

Цессарский поднял его, положил на разостланную плащ-палатку и занялся его рукой, кость которой оказалась раздробленной – рука держалась на одних сухожилиях.

Бой длился уже два часа. Наши далеко преследовали бежавших карателей. Пришлось посылать связных, чтобы вернуть партизан обратно в лагерь.

Этот бой был боевым крещением отряда. Двадцать пять партизан, непосредственно участвовавших в схватке, справились со ста шестьюдесятью врагами. Было убито свыше сорока карателей, в том числе семь офицеров, захвачены ценные трофеи – ручные пулеметы, винтовки, гранаты и пистолеты.

Но в бою отряд понес тяжелую утрату: погиб Толя Капчинский.

В далеком Мозырском лесу, на цветущей поляне, мы вырыли могилу герою-партизану. Опустили тело в землю, обнажили головы.

– Прощай, дорогой друг! Мы за тебя отомстим

В суровом молчании прошли бойцы мимо открытой могилы, кидая в нее горсти земли. Потом зарыли могилу, выросший бугорок любовно обложили дерном.

Надо было уходить отсюда немедленно. Вызванное карателями подкрепление могло появиться в любую минуту, и тогда туго пришлось бы нашей «дивизии» из восьмидесяти человек.

У нас было три повозки. Мы положили на них раненых и тронулись в путь. Из предосторожности пошли не дорогой, а лесом. Колонну замыкало четверо бойцов, маскировавших наши следы.

Связь с Большой землей не прекращалась. От этой связи зависела судьба всей работы отряда. Поэтому радистов и радиоаппаратуру мы охраняли как зеницу ока.

Во время переходов каждому радисту для личной охраны придавалось по два автоматчика, которые помогали также нести аппаратуру. Аппаратура радиста, хотя и считалась портативной, была далеко не легкая. Она состояла из чемоданчика, в который были вмонтированы приемник-передатчик с ключом и «питание» – сухие анодные и катодные батареи. Кроме того, приходилось носить запасное «питание» и отработанные батареи, использовавшиеся для слушания передач из Москвы.

Ежедневно в точно установленный час мы связывались с Москвой. Если отряд находился на марше и останавливать его было нельзя, мы оставляли радиста и с ним человек двадцать охраны в том месте, где заставал радиочас. Отряд шел дальше, а радист связывался с Москвой. Закончив работу, он вместе с охраной догонял отряд, и мы получали радиogramму.

Мы шли по ночам, а днем отдыхали, располагаясь прямо на земле. Мы мокли в болотах и под проливными дождями. Не давали покоя комары. Не было ни хлеба, ни картофеля, и, бывало, сутками шли голодные. В хутора и деревни заходили только разведчики – и то с большой осторожностью, чтобы не выдать движение отряда.

Мы шли со всеми препятствиями, какие только мыслимы, и поэтому двести километров по карте фактически превратились для нас в пятьсот.

А наши разведчики – те преодолевали расстояния втрое, а то и вчетверо большие, чем остальные. Когда отряд отдыхал, разведчики уходили вперед, изучая предстоящий нам завтра путь, подыскивая места для новых привалов, затем возвращались к отряду и вели его уже по изученному маршруту.

Особенно тяжело приходилось раненым. Каждый бугорок, каждая коряга, оказавшиеся под колесами повозок, отзывались острой болью. В болотистых местах колеса увязали по ступицы, и лошади не в силах были их вытянуть. Тогда мы распрягали лошадей и на себе вытаскивали повозки.

Путь лежал к селу Мухоеды. Если Саша Творогов и Пашун живы, то они будут искать нас там.

На одном хуторе вблизи Мухоед жители сообщили нашим разведчикам, что к ним заходили какие-то люди в комбинезонах и пилотках, покупали картошку, молоко и хлеб. Прощаясь, сказали, что придут еще.

Мы решили устроить засаду. Я послал в хутор Валю Семенова с группой в несколько человек и велел укрыться возле крайней хаты. Там они ждали часов шесть, наконец на дороге показались три фигуры. Разведчики изготавились к стрельбе. Когда же эти трое приблизились, Семенов, забыв о всякой осторожности, закричал во весь голос:

– Ребята, да ведь это же наши – Шевчук, Дар бек Абдраимов...

Высочив из засады, разведчики бросились обнимать товарищей.

Через несколько часов мы встретились с Пашуном и его людьми. За то время, что мы не виделись, молодежь – физкультурники из группы Пашуна – превратились в бородатых мужчин.

Они искали нас больше месяца. Сбросили их с самолета около станции Хойники, за сто семьдесят километров от Толстого Леса. Летчиков ввели в заблуждение костры, которые

были там зажжены. Как выяснилось позже, костры эти жгли местные жители, мобилизованные для работы на железной дороге.

Все бы ничего, если бы поблизости не находились немцы и полицаи, охранявшие мобилизованных, чтобы те не разбежались.

Несколько дней партизаны Пашуна пробирались по болотам, скрываясь от вражеской погони. Им удалось дойти до реки Припять и переправиться через нее на лодках. После нашего ухода они были на станции Толстый Лес и оттуда уже двигались по нашим следам.

Вскоре мы узнали о судьбе Саши Творогова и его группы.

Вначале к нам доносились смутные сведения о какой-то горстке храбрецов, дравшейся с большим отрядом фашистов. Этот из уст в уста передававшийся рассказ звучал как легенда, как сказание о богатырях, наделенных чудесной силой и одолевших многочисленного врага. Богатырей именовали красными десантниками, называли их число – четырнадцать человек.

Чем ближе мы подходили к селу Мухоеды, тем все большими подробностями обрастала легенда о красных десантниках; наконец нашлись очевидцы, и вот что мы узнали от них.

Группа Саши Творогова, выброшенная с самолета южнее Житомира, обошла город с запада и направилась на север, к месту сбора отряда.

В одной деревне партизаны расположились на ночлег. Ночью хата была окружена отрядом эсэсовцев – сотней солдат. Офицер-эсэсовец предложил партизанам сдаться живыми.

– Большевики не сдаются! – отвечали Творогов и его товарищи и открыли огонь из окон хаты.

Всю ночь и весь следующий день длился этот неравный бой. Партизаны перебили свыше полусотни эсэсовцев, но у них из четырнадцати товарищей в живых осталось только пять.

На вторую ночь эсэсовцы подожгли хату. Партизаны выскочили из окон. Им удалось уйти.

За ночь, раненные, измученные боем, голодные, они отошли километров на десять. На рассвете, увидев погоню, добежали до ближайшей деревни, вошли в первую же хату и в ней забаррикадировались. Гитлеровцы оцепили хату, стреляли в окна, выламывали двери, но не могли сломить сопротивления пятерых богатырей. Лишь когда трое из них были убиты, фашисты сумели войти в хату. Двоих они не застали – тем удалось каким-то чудом бежать. По описаниям крестьян мы поняли, что в числе убитых был и Творогов.

Вот все, что мы узнали о нем и его товарищах. Лишь много времени спустя, уже после войны, меня нашел один партизан из группы Творогова – Колобов. Оказывается, он и его товарищ – испанец, когда их осталось двое, бежали через окно и были спрятаны крестьянами. После долгих мытарств они примкнули к одному партизанскому отряду, в котором и пробыли до конца войны.

Прошло много времени. Много прошло людей, много миновало событий, оставивших в душе неизгладимый след. И по-прежнему передо мной не тускнеющий от времени образ Саши Творогова. Я вижу его юное лицо с пушком над верхней губой; чуть нахмуренные брови придают лицу выражение озабоченности, а сосредоточенный, внимательный взгляд отражает напряженную работу мысли. Саша так и не успел стать начальником разведки отряда, не успел сделать всего того, к чему был предназначен в жизни. Но и то, что он успел к двадцати трем годам, навсегда останется в памяти у всех нас, переживших его.

Глава третья

Шаг за шагом нашим глазам открывались суровые картины человеческих страданий.

Поражала тишина, встречающая нас в деревнях. Ни голосов, ни кудахтанья птицы, ни ржания лошадей. По вечерам деревни казались вымершими. Нигде не видно ни огонька. Изредка послышится одинокий собачий лай, всколыхнет тишину и смолкнет. Чтобы войти в хату, приходилось долго стучать в калитку. Гремели засовы, и наконец испуганный голос спрашивал: «Кто?»

Оккупанты отбирали у крестьян скотину, хлеб, птицу. Тех, кто сопротивлялся, расстреливали. Заподозренных в сочувствии Советской власти вешали, сжигали живьем, умерщвляли в лагерях и тюрьмах.

Эта страшная жизнь и была тем, что называлось фашистами «новый порядок».

В городах и селах Западной Украины появлялось все больше и больше немцев. То были новоявленные помещики, приехавшие из Германии осваивать «восточное пространство», принесшие сюда мрачные нравы крепостничества. На землях, присвоенных ими, трудились украинские крестьяне. Туда же, в немецкие имения, сгонялся отобранный у крестьян скот. В пользу новоявленных помещиков-крепостников отбиралось все, вплоть до дворовой птицы.

В густом лесу, окаймленном топким болотом, наши разведчики обнаружили большую группу крестьян, живших здесь, судя по всему, уже не первый день.

Оказалось, что тут скрывается население целой деревни. Люди не хотели работать на оккупантов, скрывались от отправки в Германию, предпочитая голод и страдания фашистскому рабству.

Вожаком крестьян оказался бывший председатель колхоза, человек уже немолодой – лет под шестьдесят, высокий, кряжистый, с седыми мохнатыми бровями.

Сначала крестьяне испугались завернувших к ним вооруженных людей. Но когда убедились, что имеют дело с советскими партизанами, несказанно обрадовались встрече и долго рассказывали о пережитых мучениях, о гитлеровской «мобилизации».

– Обещают золотые горы тем, кто едет в Германию на работы, – рассказывали крестьяне, – а на самом деле морят голодом, заставляют работать круглые сутки. Одно слово – каторга. Наши хлопцы и девчата, которых эти злодеи угнали, присылают оттуда страшные письма.

– А разве письма с такими вестями пропускает фашистская цензура?

– А мы, когда отправляли своих, условились: если на письме будет нарисован цветочек, значит, жизнь в неметчине нехорошая, а если оборван уголок письма, значит, жить можно. И вот все письма приходят с цветочками.

– Грабят сильно?

– Грабят, – отвечал председатель. – Особенно сечевики. Немцы – те прошли большими шляхами, сюда не углублялись. Здесь оставили сечевиков.

– Что это за сечевики?

– Бульбовцы. Разве вы не знаете? – удивился председатель. – Такое же фашистское войско, только из украинских бандитов. Ой, что это за лютый народ!

До нас и прежде доходило много различных толков об украинских националистах. Больше всего говорили, что националисты они только по названию, а на деле это заправские фашисты, головорезы, которые кочуют из села в село и грабят крестьян. Бандитские атаманы присваивали себе громкие прозвища. Были среди них и Тарас Бульба, и Кармелюк, и другие. На самом деле тот, кто именовал себя Тарасом Бульбой, был вовсе не лихой казак, а владелец каменоломен в Людвипольском районе Ровенской области. Этот атаман прошел полный курс обучения в Берлине, куда бежал в тридцать девятом году.

Еще до начала войны гитлеровцы начали забрасывать на нашу территорию своих агентов, украинцев по национальности, – беглых кулаков, бывших петлюровцев и другую бело-гвардейскую шваль, нашедшую пристанище в фашистской Германии и по дешевке купленную гестапо. Эти предатели своего народа в течение ряда лет проходили специальную подготовку. Их учителями и наставниками были гестаповские заплечных дел мастера. Нам как-то попалась брошюрка, выпущенная на украинском языке в Берлине еще в сороковом году; эта брошюрка содержала подробные указания по шпионской, диверсионной и повстанческой «работе».

В первые же дни после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз сколоченные предателями банды из разного рода кулацких прихвостней и Уголовников начали нападать на сельсоветы и правления колхозов, убивать советских активистов. В действиях этих банд проявлялась страшная, нечеловеческая жестокость. Они вырезали целые семьи, не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей; были случаи, когда они запирали семьи комсомольцев или коммунистов в хате и поджигали. В каждом поступке этих людей была видна фашистская звериная злоба к советскому человеку.

– Где же теперь этот Бульба и его штаб? – допытывались наши товарищи.

– Да раньше штаб стоял в Олевске – тут, неподалеку. Там был и сам Бульба. Нынче он разъезжает со своими головорезами по всей Ровенщине...

С этими словами председатель протянул нам несколько номеров газеты под названием «Гайдамак».

– Послушайте, товарищи! – сказал, подняв руку, Стехов.

И прочитал:

– «Немецкое правительство во главе с ясновельможным Адольфом Гитлером поможет нам построить самостоятельную украинскую державу...»

О «самостийной Украине» мы уже слышали раньше. Это был националистический лозунг, которым банды предателей прикрывали свои истинные цели. Истинной же целью продажных авантюристов было одно – выслужиться перед оккупантами, получить за измену Родине потеплее местечко.

Стехов читал дальше:

– «Украинская добровольческая армия «Полесская сечь» очищает нашу болотистую территорию от большевистских партизан. Это основное. Кроме этого, наша сечь везде проводит большую работу...»

– Знаємо, що це за работа! – воскликнул председатель колхоза.

Вокруг зашумели.

– А вот что за работа! – сказал Стехов. – Послушайте: «Может быть, охота погулять – кого-либо ограбить, добыть себе какую-нибудь личную выгоду? Есть такие – не возражаем...»

С возмущением слушали эти циничные строки обступившие нас крестьяне; ненавистью к предателям горели их глаза.

– Послушайте, товарищи, что они о нас пишут, – сказал Цессарский, державший в руках номер «Гайдамака». – «Полесская сечь», – прочитал он вслух, – взяла на себя тяжелое, но почетное дело по ликвидации партизанства в лесах Северной Украины и Южной Белоруссии и свое историческое задание выполнила с честью...»

— Сволочи! – бросил Цессарский. – Мы им покажем, как они нас «ликвидировали»!

Затем мы прочитали, что Бульба и его молодчики предлагают еще при жизни поставить Гитлеру золотой памятник на его родине, в городе Браунау. Дальше читать не стали.

Стоило только представить себе мощь украинского народа, мощь его государства – Украинской Советской Социалистической Республики, – как всякому становилось ясным, какой ничтожной кучкой головорезов были националисты, опиравшиеся только на немецкие штыки. Не подлежало сомнению, что в скором времени нам придется, и не раз, столкнуться с этими предателями.

Двадцать первого июля, когда отряд остановился на отдых, Сергей Трофимович Стехов собрал на лесной полянке всех членов и кандидатов партии. Это было первое партийное собрание в отряде.

Наша партийная организация оказалась немногочисленной: членов партии было пятнадцать, кандидатов – четверо. На этом первом собрании мы говорили о самом главном: о месте коммуниста в борьбе, о том, что мы, девятнадцать человек, должны служить образцом для всех партизан, ибо мы здесь посланцы партии.

Именно это чувство, чувство ответственности перед партией, доверившей нам выполнение важной задачи, побудило коммунистов обсуждать на собрании самые насущные вопросы.

– Мы не ведем разъяснительной работы среди населения, – говорил Стехов. – А ведь это наш прямой долг как коммунистов. Листовки – дело сложное, на марше их не приготовишь, а вот устная агитация, общение с людьми – это нам доступно. Да и что может быть действеннее, чем живое слово!

Собрание подробно обсудило вопрос о методах устной агитации среди населения. Дело это сложное. Продвигаясь в Сарнекские леса, мы вынуждены были идти как можно осторожнее, не привлекая к себе излишнего внимания; но как можно удержаться от того, чтобы не разъяснять людям правду!.. Наши разведчики бывают в селах. Беседовать ли им с крестьянами на политические темы, о Родине, о ненависти к оккупантам или молчать, чтобы ничем не выдать себя? Да, беседовать, решило собрание.

Когда повестка была исчерпана, слово попросил Валя Семенов. Валя – секретарь комсомольской организации отряда, он готовился к вступлению в партию. Глядя на него, никто бы не подумал, что этот невысокий, тщедушный на вид девятнадцатилетний паренек в недавнем прошлом студент Института физической культуры. Несмотря на тщедушное телосложение, в этом паренёчке скрывались недюжинная сила, выносливость и ловкость. Партизаном Валя Семенов был наследственным – его отец в гражданскую войну тоже партизанил на Украине.

– По какому вопросу хочешь выступить? – спросил Стехов.

– Разное, – помедлив, ответил Валя.

Видно было, что это свое «разное» он долго вынашивал.

Семенов встал, оправил гимнастерку и заговорил – сначала тихо, а затем все громче и возбужденней.

– Мы летели сюда, чтобы громить фашистов, – начал он, и все сразу поняли, о чем пойдет речь. – А что получается? Мы идем, прячемся, воевать не воюем. Народ скучать начинает. Мы проходим мимо сел, где есть гарнизоны оккупантов. Надо смелее на них нападать! Чего мы ждем? Пора делом заниматься, хватит нам «осваиваться»!

: – Правильно! – послышались голоса.

– Где наши диверсии? – продолжал Семенов, ободренный поддержкой товарищей. – Где взрывы? Где убитые гитлеровцы? Люди на фронте жизни не жалеют, а мы? Отсиживаемся? Так получается?

– Можно мне? – поднялась Лида Шерстнева и, не дожидаясь разрешения, горячо заговорила: – Нас тут оберегают, точно мы нестроевики какие-то, не можем за себя постоять! Я летела сюда, думала – воевать будем, а нам шагу ступить не дают! Семенов правильно сказал: «Чего мы ждем?»

Вокруг одобрительно зашумели. Неожиданно это «разное», не предусмотренное повесткой дня, оказалось самым главным вопросом.

– Та люды ж просятся в бий, хйба вы не бачите! – обращаясь ко мне и Стехову, выкрикнул Михаил Шевчук. – В бий рвутся... Та хйба вы не бачите, як ци каты секирники хозяйнують по селам?!

Шевчук уроженец этих краев, ровенский. Он смертельно ненавидел бандитов из шаек Бульбы и других атаманов, готов был немедленно уничтожать их всех, от первого до последнего.

Вообще же Михаил Макарович Шевчук был человеком миролюбивым, к военным занятиям не испытывал никакой тяги. Был, вероятно, хорошим семьянином, понимал толк в хозяйстве и, как мне казалось, был создан исключительно для мирной, трудовой, устойчивой жизни.

Если теперь он испытывал неутолимую жажду активной борьбы, то действительно велика была его ненависть к врагу.

Подождав, пока товарищи выговорятся, Стехов ответил всем сразу.

– У меня у самого руки чешутся, – сказал он. – Но что делать, товарищи, нельзя нам сейчас вступать в бой. Нельзя! Мы еще не дошли до места. И потом, ведь наша главная задача – разведка. Драться мы, конечно, будем, но тогда и там, где нас к этому вынудят.

...Вечером, в пути, Стехов подошел ко мне.

– Я хотел с вами поговорить, Дмитрий Николаевич, – начал он, негромко и как-то особенно выразительно произнося слова. – На собрании, как вы слышали, я поддержал вашу точку зрения. Но у меня есть и своя – она расходится с вашей, я считаю своим Долгом вам об этом заявить. Я хорошо понимаю мотивы, по которым вы настаиваете, чтобы отряд избегал активных действий. Я сам приводил эти мотивы на собрании. Но, со своей стороны, считаю, что пренебрегать активными действиями нельзя. Это неверно и вредно. Мы расхолаживаем людей, лишаем их морального удовлетворения. Разве не ясно, что боевые действия крепче сплотят отряд, придадут людям силы и энергии?

Он умолк, долго разжигал трубку, которую с некоторых пор завел для защиты от комаров, и затем продолжал, стараясь говорить как можно тише:

– Я не мог говорить об этом вслух на собрании. Но вам, Дмитрий Николаевич, хочу сказать прямо: вы проводите неверную линию.

– А что вы предлагаете? Растрчивать силы на отдельные стычки?

– По крайней мере, не пропускать случая, когда можно нанести врагу урон!

– Но разве разведка в тылу противника не наносит ему урона? Разве сейчас не важнее для нас сбереечь людей именно для разведывательной работы, куда более чувствительной, если уж говорить об уроне, чем взорванные эшелоны!

Сергей Трофимович, видимо, был подготовлен к такому ответу.

– Но ведь не все же люди в отряде могут заниматься разведкой, – возразил он. – Что делать остальным?

– Ждать, пока мы не приступили к настоящей работе. Придет это время, тогда всем найдется дело.

– Ну хорошо, – помолчав, согласился Стехов, но я понял, что внутренне он остался при своем мнении. Переубедить его было нельзя.

Мне отчетливо припомнились в ту минуту мои собственные переживания, когда в Москве, получая указания командования о задачах отряда, я впервые узнал, что мы не только не должны, но и не имеем права предпринимать диверсии, налеты на вражеские гарнизоны и другие чисто партизанские действия. «Ваше дело – сидеть тихо, заниматься разведкой и ни на какие другие задачи не отвлекаться, – вспомнились слова члена Государственного Комитета Обороны. – Партизанских отрядов много. Пусть каждый из них знает свое дело, свои функции... Партизанская война – это не значит беспорядочная война...»

Спокойной уверенностью веяло от этих слов. И разочарование, охватившее меня в первую минуту (мне представлялась совсем иная картина – рисовались активные действия, наступательные бои, дерзкие налеты на тылы противника), уступило место другому властному чувству – чувству гордости за нашу силу, за нашу могучую армию, планомерно идущую к победе над врагом. Нет, не для стихийных действий, не для случайных ударов, не для отча-

янных, беспорядочных налетов на произвольно выбранные объекты отправляет нас партия в глубокий вражеский тыл. Мы один из отрядов великой победоносной армии, частица единого плана – плана победы.

...Каким простым и ясным казалось все издали, и сколько, оказывается, сложных и противоречивых вопросов ждало нас тут, на месте! Ведь тот же Семенов, секретарь комсомольской организации, прекрасно знает главную задачу отряда, знает, что нам нужно – на первых порах по крайней мере – вести себя тихо, знает и все же не может примириться с мыслью, что мы проходим мимо гитлеровцев и не трогаем их!

А вопрос о приеме в отряд новых людей! Еще в Москве мы точно договорились, что не будем форсировать рост отряда: чем меньше нас, тем незаметнее наше пребывание в здешних лесах, тем легче работать. Условились принимать исключительно тех из местного населения, которые могут быть полезными в деле разведки.

Но вот к нам явилась группа красноармейцев, бежавших из фашистского плена. Как быть? Люди просят принять их в отряд, дать возможность искупить свою тяжкую вину перед Родиной. Отказать им? Нет, мы не могли этого сделать.

Прежде чем зачислить их в отряд, Лукин, Кочетков и Фролов допросили каждого, кто он, откуда, в какой части служил, как и когда попал в плен.

Потом, по приказу Стехова, всю группу выстроили в стороне, и начался обыск. Стехов и я стояли тут же, наблюдая за происходящим.

Вытаскивают из кармана военнопленного игральные карты. Стехов берет их, кладет себе в карман и смеется:

– Благодарю вас! В сырую погоду пригодятся костер разжечь.

У другого находят бутылку водки.

– И за это спасибо! У нас пока своего запаса нет, передадим в санчасть.

Когда обыск кончился, Стехов дал команду «смирно» и сказал перед застывшим строем:

– Мы примем вас в свой отряд, но запомните – дисциплина у нас строгая. Приказ командира – закон. За проступки – взыскания и наказания вплоть до расстрела. Спиртные напитки запрещены. Игра в карты запрещена. Брать что-либо у населения и присваивать себе запрещается. За грабеж будем расстреливать. Конфискованные у предателей вещи сдаются в хозяйственный взвод отряда и распределяются по усмотрению командования. Даже табак присваивать нельзя... Учтите! – предупредил он с решительным жестом. – Партизанщины здесь нет и не будет. Здесь мы все солдаты и свято выполняем свой долг – статью сто тридцать третью Конституции о защите Отечества...

– Как с оружием будет? – спросил кто-то из строя.

– Вы хотите спросить? – Стехов повернулся на голос. – Прежде всего получите разрешение. Надо сказать: «Разрешите обратиться, товарищ замполит...»

– Разрешите обратиться, товарищ замполит!

– Обращайтесь!

– С оружием как? Дадите?

Стехов некоторое время молча смотрел на бойца, спросившего об оружии, и сказал:

– Потеряли свое? Добудьте в бою новое!..

...В отряде было теперь около сотни бойцов, но молва удесятирила это число.

В одном селе разведчики слышали о тысяче советских парашютистов, в другом называлась цифра десять тысяч.

Слухи о нас ширились, приумножая силу небольшого отряда, идущего к Сарненским лесам, рисуя многотысячную армию парашютистов, завладевшую лесными массивами, угрожающую немецким гарнизонам и немецким коммуникациям.

Эти слухи были последствиями нашего первого боя с карателями в Толстом Лесу.

– Ничего не поделаешь, – твердил Стехов, – тысяча так тысяча. Будем драться каждый за десятерых.

Он часто говорил о драке. Этот исполнительный, точный командир, щеголевато одетый, всегда при оружии, питающий пристрастие к воинскому ритуалу, на самом деле был человеком глубоко штатским.

Впрочем, в Мозырском лесу он дрался не как штатский, а как военный, как испытанный командир.

...В ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое июля отряд принимал последнюю из своих групп.

Обширная лесная поляна окружена дозорными. С вечера еще в нескольких местах сложены сухие дрова, заготовлены бутылки со скипидаром. Партизаны дежурят тут же. Не разжигая костров, о чем-то вполголоса беседуют. Нет-нет кто-нибудь и отвлечется от разговора, прислушается: не летят ли?

Не впервые уже мы ожидаем и встречаем самолет из столицы, но всякий раз этой встрече предшествует одно и то же непередаваемое чувство: словно сама Москва, сама Родина наша парит над нами на серебряных крыльях, неся все, что так дорого сердцу, – и сияние кремлевских звезд, и дым родного очага, и привет близких.

Одинаково глубоко взволнованы и москвичи, ожидающие писем, и те, кто писем не ждет, – бывшие военнопленные, местные жители, пришедшие в отряд уже здесь, за линией фронта. Хотя на поляне расставлены «слухачи», но то и дело кто-либо предупреждает:

– Тсс! Кажется, гудит!

Сразу все смолкает. Напряженно все слушают.

– Нет, показалось.

У единственного зажженного костра прохаживается Кочетков, ответственный за приемку людей и грузов, «начальник аэродрома», как его уже успели прозвать быстрые на шутку бородатые физкультурники Пашуна.

Вот он было успокоился, присел, но тут же не выдерживает, вскакивает и отходит в темноту. Все знают: Кочетков, не доверяясь «слухачам», сам вслушивается в ночную тишь. И, как всегда, первый улавливает в ней еще далекий, еле слышный гул.

– Воздух! Поднять костры! – раскатывается гулкой бас «начальника аэродрома».

Все на поляне приходит в движение. Вспыхивают один за другим костры; партизаны – одни подбрасывают в огонь щепу, другие ковшами льют в огонь скипидар. От скипидара пламя взвивается вверх. Костры становятся огромными...

– Поддай, поддай! – зычно кричит Кочетков. Гул нарастает. Самолет появляется над поляной.

При ярком свете костров видно, как он, приветствуя нас, покачивает крыльями. Он пролетает дальше, чтобы спустя минуту появиться вновь.

– Поддай, поддай! – не унимается Кочетков.

И от этого крика, от пылающих костров, багровых лиц, мелькающих в отсветах пламени, от всей этой сказочной, фантастической картины захватывает дыхание.

Белые облачка парашютов раскрываются, увеличиваясь и розовея по мере того, как приближаются к земле.

Покачав на прощание крыльями, самолет уходит на восток.

На площадке – оживление. Парашютистов, едва они коснулись земли, подхватывают, передают из объятий в объятия, засыпают вопросами.

Первым ко мне подходит Коля Приходько. Он кажется смущенным и даже немного растерянным в этой шумной, суетливой обстановке.

– Ось прибыли до вас, товарищ командир, – произносит он, застенчиво улыбаясь.

За ним идут другие.

Подходит щуплый паренек по фамилии Голубь. Рядом с богатырем Приходько он кажется еще ниже ростом.

Подходят Коля Гнидюк, Борис Сухенко, лейтенанты Волков и Соколов.

Волков – опытный партизан, был со мной в Брянских лесах, получил ранение, поправился и вот прилетел к нам. Первое, с чем он обратился, был вопрос о том, что же случилось с Сашей Твороговым.

Подошел Николай Иванович Кузнецов, старый друг Творогова, по его рекомендации принятый в отряд.

Еще при первой встрече с Кузнецовым меня поразила спокойная решимость, чувствующаяся в каждом слове, в каждом движении этого малоразговорчивого, спокойного, но внутренне страстного человека. Помню, он вошел в номер и начал прямо с того, что заявил о желании лететь в тыл врага.

– Я в совершенстве знаю немецкий язык, – сказал он. – Думаю, сумею хорошо использовать это оружие.

– Где вы учились языку? – спросил я.

Вопрос был не праздный. Мне приходилось встречать немало людей, владевших иностранными языками. Это было книжное знание, достаточное для научной работы, но едва ли могущее служить оружием, выражаясь словами моего собеседника.

Кузнецов, очевидно, поняв мои сомнения, объяснил:

– Видите ли, я не только читаю и пишу по-немецки. Я хорошо знаю немецкий разговорный язык. Я много бывал среди немцев...

– Вы жили в Германии? – заинтересовался я.

– Нет, не жил, – улыбнулся Кузнецов. – Я окончил заочный институт иностранных языков. Вообще же по профессии я инженер. Когда работал на Уралмашзаводе, немецкие специалисты не хотели верить, что я русский. Они считали меня немцем, даже спрашивали, почему я скрываю свою национальность...

Глядя на него, я подумал, что он действительно похож на немца – блондин с серыми глазами.

– Мало ли людей знает немецкий язык! По-вашему, все они должны лететь за линию фронта?

– Я знаю не только язык, – возразил Кузнецов. – Я вообще интересовался Германией, читал немецких классиков... – И, помолчав, добавил: – Я немцев знаю.

– Хорошо, а представляете ли вы себе, с какими опасностями связана работа разведчика?

– Я готов умереть, если понадобится, – сказал он.

– Берите его в отряд! – горячо настаивал Творогов. – Не ошибетесь!

Я согласился.

Через несколько дней Кузнецов был освобожден с завода, на котором работал, и приступил к подготовке.

Он ежедневно беседовал с пленными немецкими солдатами, офицерами и генералами. Ему предстояла задача детально ознакомиться со структурой гитлеровской армии, с нравами фашистской военщины, а главное – в совершенстве изучить какую-либо местность Германии, за уроженца которой он смог бы себя выдавать.

Подготовка эта велась в строгой тайне. Не только рядовые бойцы, но даже руководители отряда – Стехов, Пашун, Лукин – не знали о Кузнецове.

Вместе с Кузнецовым обучались военному делу Николай Приходько, Голубь, Николай Гнидюк и другие добровольцы – уроженцы Западной Украины. Жили они отдельно. Соколов и Волков познакомились с ними всего за несколько дней до вылета.

Поздоровавшись, Кузнецов отходит в сторону и молча слушает рассказ о подвиге Саши Творогова. Я вижу, как мрачнеет его лицо.

В лагерь мы идем с ним вдвоем. Кузнецов молчит. Он не задает вопросов, на мои отвечает коротко. Мне он кажется человеком замкнутым. Или это только сегодня – в первые часы пребывания на территории, оккупированной врагом, под впечатлением рассказа о Творогове? Мы идем рядом. Я не вижу его лица, но мне кажется, что и теперь на нем застыло то же выражение решимости, какое я видел в Москве; та же сосредоточенность и спокойная уверенность человека, все обдумавшего и знающего, что он будет делать. И действительно, Кузнецов, отвечая на мой вопрос о его планах, говорит:

– Я смогу беспрепятственно действовать в городе. Подготовился, кажется, хорошо. Да и стреляю теперь сносно. В Москве много тренировался.

– Это хорошо. Только стрелять вам пока не придется.

– Почему не придется?

– У вас будут задачи другого рода.

– Что ж, хорошо, – неохотно соглашается он. Чувствую, что своим ответом разочаровал его.

Мне предстоит, однако, разочаровывать его и дальше.

– И посылать вас пока, я думаю, никуда не будем, – говорю я.

– Как не будете?

Впервые слышится в его голосе волнение.

– Вам придется готовиться. И довольно долго. Посидите, подучитесь еще, а там и начнем.

– Когда это? – спрашивает он уже с нескрываемой досадой.

– Месяца через два – два с половиной. Как успеете.

Кузнецов ответил сухо:

– Слушаюсь.

Весь остальной путь мы прошли молча.

Приближается август, а мы все еще в пути. Перевалили через железную дорогу Ковель – Киев. До места, где мы намерены расположиться, осталось километров сорок.

Близ разъезда Будки-Сновидовичи местные жители предупредили наших разведчиков, что фашисты нас заметили, когда мы переходили через железную дорогу, и на рассвете следующего дня готовятся к нападению на отряд.

Как ни странно, это тревожное известие вызвало среди партизан шумное и радостное оживление. Наконец-то мы снова встретимся с врагом лицом к лицу! Ясное дело, мы должны их опередить! и Мой приказ – выделить группу из пятидесяти человек для удара по противнику – вызвал общее разочарование. Бойцы рассчитывали, что ударим всем отрядом.

Особенно удручен был Стехов. Он собирался идти во главе группы, я же его не пустил. Командиром пошел начальник штаба майор Пашун – кряжистый, расчетливый, с энергичным скуластым лицом, белорус по национальности, в прошлом паровозный машинист.

Тем, кто попал к нему в группу, все откровенно завидовали.

Ночью группа скрытно приблизилась к разъезду. Разведка установила, что фашисты находятся в эшелоне, стоящем неподалеку на запасном пути.

Партизаны скрытно подползли к вагонам и залегли. Не успел Пашун осмотреться, как группе пришлось действовать. Какая-то собачонка, видимо, услышав шорох, подняла лай и всполошила охрану. Часовой окликнул – ему никто не ответил; тогда он дал два сигнальных выстрела. Медлить было нельзя, и Пашун скомандовал: «Огонь!»

В вагоны полетели гранаты, вступили в дело автоматы и пулеметы. От разрывной пули загорелась стоявшая у самого состава бочка с бензином; огонь перекинулся на вагоны; начался пожар.

К рассвету гитлеровцы, собиравшиеся нас разгромить, сами оказались разбитыми. Не многим из них удалось унести ноги.

Трофеи мы взяли большие: много оружия – винтовок, гранат, патронов; разный хозяйственный инвентарь и очень нужные нам продукты, в особенности сахар и сахарин.

При этой операции погиб испанец Антонио Бланко. Он первым подбежал к вагону и бросил в окно гранату. Нацелился бросить вторую, но тут же упал, сраженный автоматной очередью врага.

Бланко был молод, ему было всего двадцать два года, но короткую жизнь свою он прожил достойно – как патриот своей родины и антифашист. В 1936 году, шестнадцатилетним юношей, он дрался с легионами Франко в рядах народной милиции. Потом жил в Советском Союзе. В партизанский отряд Бланко пошел добровольно. Он погиб, сражаясь с фашистами и, наверно, не желая для себя лучшей жизни и лучшей смерти.

Через два дня после боя у разъезда Будки-Сновидовичи мы пришли в Сарненские леса.

Глава четвертая

На улице необычное скопление народа.

Все население деревни – от ветхого, все пережившего деда до малых ребят – вышло из хат. Великое горе, страшное бедствие обрушилось на людей: угоняют в Германию.

Плачут женщины. Прижавшись испуганно к матерям, голосят ребятишки.

Пятеро полицаев безучастно наблюдают это зрелище.

– Куды ж вони их гонять! – причитает старая крестьянка, схватившись за голову. – Що вони роблять, що вони роблять!..

– Петро! – кричит другая, окликавая стоящего неподалеку от нее полицаю. – Петро! Це ж твое село, що ж ты робышь!.. З кым же мои диты зостануться? Мий чоловік зовсім хворый, зовсім хворый...

Петро поворачивает голову, смотрит на женщину мутными, пьяными глазами.

– Перестань реветь! Говорять тобі, що пойдете до Великометчины, а твои диты тут як-небудь перебудуть!

И вдруг в толпе неожиданно появляется богатырская фигура человека, неизвестно откуда взявшегося. Он грозно спрашивает:

– Що тут таке робиться?

Он направляется к полицаям, нахмурившись, смотрит на них с высоты своего роста.

– Хто вы таки, хлопцы?

Женщина бросается к нему. Лицо у нее в слезах.

– Вони забирають до неметчины!

– До неметчины... – Незнакомец уничтожающим взглядом окидывает полицаев. – Зачем забираете людей из села?

– Нам приказали, мы и забираемо, – отвечает, пятясь назад, полицаю. – А ты хто такой?

– А вот сейчас представлюсь!

С этими словами незнакомец хватает за шиворот двух полицаев и сталкивает их лбами.

Происходит замешательство. А незнакомец уже гремит, держа перед собой автомат:

– Ни с места! Кладить зброю!

Полицай по имени Петро, поднимаясь с земли, хватает свою винтовку, но тут же падает вновь, сбитый с ног тяжелым ударом незнакомца.

– Кладить, кажу, зброю бо буду стріляты! Полицайи послушно складывают винтовки.

– А тепер – геть з села! Щоб вашого духу тут не було! Швядче, швядче!

И полицаи побежали без оглядки. Крестьяне обступают избавителя.

– Спасыби тобі, хлопче, – произносит дед с низким, поясным поклоном. – Ты, як я бачу, свий хлопец, партизан?

– Партизан... партизан... – разносится вокруг.

Разведчики отряда, придя в село, застают здесь трогательную сцену. Партизан-избавитель стоит в тесном кругу крестьян и мирно с ними беседует.

– Микола! Микола! – кричат ему разведчики издали. – Вот он где, черт возьми! Микола! Приходько! – продолжают звать его до тех пор, пока он не оборачивается.

– Пришли? – как ни в чем не бывало сказал Приходько и, распрощавшись с крестьянами, отправился к товарищам.

Он был виноват перед ними. Вышли все вместе, а он вот взял и отбилсь, ушел в сторону. Хорошо, что они его нашли. Не ровен час, наскочат гитлеровцы, а он тут один...

Дорогой Приходько упросил товарищей, чтобы, придя в отряд, молчали о том, что случилось в селе. Он чувствовал, что ему не миновать взыскания.

Но куда денешь винтовки, взятые у полицаев? По нашему обычаю все трофеи подлежат немедленной сдаче.

И через час после возвращения разведчиков Коле Приходько пришлось выслушать выговор. Началось с расспросов.

– Приходько, это ты принес винтовки?

– Я, товарищ командир.

– Где ты их взял? У кого?

– Та там, у одних полицаев. Постепенно выясняется вся картина.

– У тебя есть свое задание, своя работа. Тебя послали в разведку. Тебе было приказано – не стрелять.

– Та я не стрельнув ни разу, товарищ командир!

– Не стрелять и не связываться ни с какими немцами, ни с какими полицаями.

Тут Приходько, до сих пор старавшийся отвечать уклончиво, не выдерживает:

– Так я ж не могу, товарищ командир!

– Все не могут. Подумай сам: где от тебя больше пользы – когда ты с риском для жизни убьешь фашиста или полица или когда доставишь нам ценные сведения о противнике?

Приходько понимающе кивнул. Конечно, он был согласен с моими доводами. Согласен до тех пор, пока мог рассуждать, но как только доходило до дела, он терял эту способность. Все, что было в его душе наболевшего, выстраданного, вырывалось наружу, не давая опомниться.

– Ступай и чтобы впредь без молодчества, – говорю ему. – В следующий раз, если повторится, получишь трое суток и поставлю вопрос в комсомольской организации. Понятно?

– Разрешите идти?

– Иди.

...Первое время в Москве Приходько казался мне человеком чрезвычайно замкнутым. Рослый, широкий в плечах, с простым и добрым лицом, какие бывают у богатырей, он старательно делал все, что от него требовалось, ни о чем не расспрашивал, больше молчал и, казалось, был поглощен своими думами.

Но замкнутость эта была обманчивой. На самом деле редко встретишь человека более открытого и непосредственного, чем Коля Приходько. Бывают лица и глаза, зримо и понятно выражающие душу человека – все что он думает, что чувствует. Таким лицом обладал и Николай Приходько. Все думы его были о тех местах, куда нам предстояло лететь. То были места его детства и юности, родные края, с которыми разлучила его война и по которым он тосковал.

Николаю шел восемнадцатый год, когда над землей Западной Украины взошло солнце счастливой советской жизни. Сын путевого обходчика, младший в многодетной семье, он с детских лет батрачил у помещика. День, когда над городом Здолбуновом и окрестными селами взвились красные флаги, был для него, как и для многих сотен тысяч других его сверстников, первым счастливым днем в жизни. Николай поступил на железную дорогу грузчиком, вступил в комсомол. Незадолго перед войной он стал начальником снабжения в одной из транспортных организаций, начал посещать вечернюю школу.

Когда началась война, Николай был тяжело болен. Но он превозмог болезнь и нашел в себе силы прийти в эти горячие дни на станцию. Его вела сила долга, сила преданности Родине. Он помогал отправлять ценности на восток, эвакуировать людей и покинул станцию только тогда, когда в предместьях города показались вражеские танки.

Судьба забросила Приходько в Пензу. Здесь он некоторое время работал. Одно из заявлений, которые он подавал в военкомат, достигло цели: он попал в армию, в формирующуюся часть, а уже оттуда, как уроженец Западной Украины, был передан нам.

И вот теперь эта история...

В душе я по достоинству оценил все благородство поступка Приходько. Но мне не давала покоя мысль, что так, распляясь на случайные операции, можно упустить главное, ради чего

нас сюда прислали. Разведка, разведка и еще раз разведка – твердил я товарищам и старался отвлечь их внимание от диверсий, от налетов на отдельные группы фашистов, всячески добиваясь того, чтобы люди поняли огромное значение разведывательной работы, столь важной для командования Красной Армии.

– Ходите, узнавайте, где и какие находятся немецкие части, из кого они состоят, куда передвигаются, – наказывал я товарищам. – Посещайте деревни, беседуйте с населением, рассказывайте правду о ходе войны. Но избегайте ввязываться в бои, устраивать стычки, рискуя собой.

Легко сказать – не ввязываться в бои, ограничиваться разведкой, когда эти «запрещенные» действия как раз и были самым желанным, о чем люди мечтали, к чему стремились. Каждое новое злодеяние оккупантов, совершавшееся на глазах у партизан, усиливало, доводило до крайнего предела жажду активной борьбы, страстное желание немедленного возмездия.

Не проходило дня, чтобы ко мне или к Стехову не обращались с предложениями о той или иной операции, в результате которой был бы убит какой-нибудь фашистский комендант или выведено из строя предприятие. Предложения эти звучали как личные просьбы. Иногда мы их удовлетворяли. Когда же приходилось отказывать, мы чувствовали, что лишаем людей самого насущного для них, сдерживаем самые благородные порывы, и всякий раз больно было отказывать, тем более что и нас – и Стехова, и меня – желание активной борьбы захватывало не меньше, чем других.

Сама жизнь требовала нашего активного вмешательства в установленный гитлеровцами «новый порядок». Мы не могли не защищать свой народ, не мстить палачам за их злодеяния.

В первые же дни пребывания в Сарненских лесах, как ни важно было нам оставаться пока незамеченными, мы выслали группу партизан на разгром фольварка «Алябин». Это было богатое имение, в недалеком прошлом ставшее народным достоянием, а ныне присвоенное немецким фашистом – начальником гестапо города Сарны, который посадил здесь своего управляющего, человека неслыханной, садистской жестокости. О бесчинствах этого управляющего крестьяне рассказывали нашим разведчикам. Нельзя было спокойно слушать о его преступлениях.

Группа из двадцати пяти человек во главе с Пашуном отправилась на фольварк «Алябин» в сопровождении крестьян. Охрана фольварка была разоружена. Захваченная врасплох, она даже не пыталась оказать сопротивление.

Налет производился ночью, а под утро в лагерь пришел обоз. На лошадях, взятых на фольварке, партизаны привезли хлеб, масло, крупу, мед, картофель. Обоз замыкало стадо коров.

Лучших молочных коров мы отдали крестьянам, поделились с ними и остальными продуктами.

Пашун доставил в лагерь двух пленных. Первый был немец, по фамилии Рихтер, управляющий имением, на которого жаловались крестьяне, второй, по фамилии Немович, оказался украинским националистом и одновременно гитлеровским шпионом-профессионалом. Окончив в Германии, куда он бежал по освобождению Западной Украины, гестаповскую школу, он еще до войны вел подрывную деятельность на Украине. Когда пришли оккупанты, Немович под видом украинского учителя разъезжал по деревням, выведывал у своих друзей-националистов, где живут советские активисты, и предавал их гестапо. Немович знал многих других подобных ему предателей, которые учились с ним в гестаповской школе. Поэтому мы не стали его расстреливать, а решили отправить в Москву.

Но где держать Немовича, пока придет самолет? Из палатки он может убежать. Выход был найден: сшили специальный мешок из брезента и посадили в него предателя так, что только голова торчала из мешка.

Операция по разгрому фольварка «Алябин» положила начало нашим систематическим налетам на немецкие хозяйства. Мы разгромили в ближайших районах несколько крупных имений, в том числе еще один фольварк начальника сарненского гестапо.

...При первых же выходах в деревни и хутора Ровенской области партизаны стали сталкиваться с бандами украинских националистов.

Были эти банды невелики по числу, но вооружены неплохо. У них имелись немецкие автоматы, немецкие винтовки, немецкое снаряжение. Я вспомнил времена гражданской войны, когда мне приходилось, сражаясь на Украине, встречаться с подобными предателями. Тогда это были петлюровцы, махновцы, кулацкие сынки, которых буржуазия использовала в своей борьбе против молодой Советской Республики. Банды эти в то время насчитывали по три – пять тысяч человек каждая. Но наши отряды, даже когда они состояли из четырехсот – пятисот бойцов, успешно справлялись с ними. С нынешними бандитами дело было еще проще, и не только потому, что были они малочисленными, – по трусости нынешние превосходили своих предшественников.

О том, какие это вояки, фашисты знали. Банды националистов, которые они включали в свои карательные отряды, были храбры лишь там, где дело касалось расправы над мирными жителями, грабежей и поджогов. Но там, где приходилось вступать в бой с партизанами, при первых же выстрелах «войско» бандитов пускалось наутек.

Наши партизаны не могли говорить без смеха об этих «вояках».

Однажды Валя Семенов привел пленных.

– Бандитов забрал, – доложил он.

– Каким образом?

– Да они, как увидели нас, сразу сделали трезубы.

– Что-что?

– Трезубы. Ведь у них на пилотках такой знак – из трех зубьев состоит, вроде как вилы.

Так вот они сразу подняли руки вверх, и получился трезуб – две руки, а посредине голова!

С тех пор, когда украинские националисты сдавались в плен, у нас так и говорилось: «Сделали трезуб».

Наши вылазки в окрестные села, налеты на отдельные группы фашистов, на фольварки – все это приносило большое моральное удовлетворение. Но в то же время люди все больше понимали: если мы стремимся оказать действительно эффективную помощь Красной Армии, надо заняться разведкой, а все остальное отодвинуть на второй план. Именно так стоял вопрос для нас, находившихся под городом Ровно, бок о бок с наместником Гитлера на Украине Кохом, с его рейхскомиссариатом, с многочисленными штабами и учреждениями, с всеукраинским гестапо.

Город Ровно был фашистской «столицей» Украины, средоточием гитлеровского аппарата управления, гнездом фашистского оккупационного чиновничества и военщины. Здесь легче можно было узнать о перегруппировках вражеских войск на фронте, о строительстве новых линий обороны, о мероприятиях хозяйственного характера, наконец, о том, что творится в самой Германии.

И нашей главнейшей задачей было – прочно обосноваться именно здесь и протянуть в Ровно свои надежные щупальца.

В каких-нибудь двадцати километрах от Ровно находился другой важнейший пункт – узловая станция Здолбунов, через которую курсировали все поезда с Восточного фронта в Германию, Чехословакию, Польшу и из Германии, Польши и Чехословакии на Восточный фронт. Стратегическое положение Здолбунова подсказывало, насколько важно нам пробраться к этой станции и «оседлать» здолбуновский узел.

Мы начали с двух ближайших к нам пунктов – с районных центров Сарны и Клесово, в которых стояли крупные немецкие гарнизоны. Заняться ими было поручено группе разведчиков во главе с Виктором Васильевичем Кочетковым.

Кочетков быстро нашел в окрестных селах людей, которые имели в Сарнах и Клесове родственников или знакомых. Люди эти охотно согласились выполнять его поручения. Так у Кочеткова появились ценные помощники.

Один из них как-то сказал Кочеткову, что с ним хочет повидаться некто Довгер, работник Клесовского лесничества. Виктор Васильевич согласился встретиться.

Перед ним предстал пожилой человек с гладко выбритой головой, одетый в старомодную, хорошо сохранившуюся пару, при галстукке, завязанном тонким узлом. Сквозь овальные, в железной оправе очки на Кочеткова смотрели внимательные, изучающие глаза.

– Что скажете? – сухо спросил Кочетков.

– Все, что я могу рассказать, вам, наверно, уже известно.

– Вот как?

– Я советский человек и, когда узнал, что здесь у вас партизанский отряд, решил, что буду с вами.

– Мы, пожалуй, без вас обойдемся, – ответил Кочетков. Он не сомневался, что имеет дело с вражеским лазутчиком.

Довгер понял.

– Не надо думать о людях плохо, – сказал он, не скрывая обиды. – У меня здесь семья – жена, мать, трое детей. Пусть они ответят за меня, если я провинюсь перед вами!

Кочетков заколебался.

– Но ведь вы пожилой человек, – сказал он после молчания, – вам будет трудно.

– А я не прошу принять меня в партизаны. Я просто буду выполнять ваши задания, все, что вам нужно.

– Хорошо, – согласился Кочетков.

На следующий день Довгер получил задание съездить в Ровно и посмотреть, что там делается. Он охотно пошел на это.

Вернувшись из Ровно, Довгер привез вести о расправах над мирными людьми, о массовых расстрелах на улице Белой.

– Вот вам адреса, – заключил он свой скорбный рассказ и передал Кочеткову план города с нанесенными на нем кружочками. План этот, довольно точный, был начерчен самим Довгером. – Это, – объяснял он, указывая на кружочки, – рейхскомиссариат... Вот тут помещается резиденция Коха, этот черный кружок – гестапо, здесь – здание суда...

– Спасибо, Константин Ефимович, – от души благодарил Кочетков. – Спасибо!

– Пожалуйста, – сухо отвечал тот. Ему не нравилось, что его благодарят. «Я не одолжение вам делаю, – сказал он как-то Кочеткову. – Я выполняю свой долг советского человека так же, как и вы».

Константин Ефимович Довгер, белорус по национальности, принадлежал к той части местной интеллигенции, которая хорошо знала Россию еще по дореволюционным временам. Все годы, когда Западная Украина входила в состав панской Польши, эти люди с волнением следили за происходящими у нас событиями, всей своей духовной жизнью жили с нами. Перед первой мировой войной Довгер окончил лесной институт в Петербурге, затем приехал сюда, на Волынь, и с тех пор работал в Клесовском лесничестве.

«Дядя Костя» прозвали Довгера разведчики, вместе с Кочетковым ходившие к нему на связь. Это прозвище укрепилось за ним и у нас в штабе, даже я ловил себя на том, что называю Константина Ефимовича дядей Костей.

Нередко Довгера наряду с другими лесничими вызывали к себе жандармские офицеры, приезжавшие во главе карательных экспедиций.

– Не знаю, у меня партизан не слышно, а вот в двадцатом квартале, там, кажется, их видали, – говорил по нашему указанию Довгер жандармам.

В двадцатом квартале нас, конечно, давно уже не было. Каратели, выбиваясь из сил, изорвав одежду и обувь, заставляли там полуразрушенные шалаши из древесных ветвей и золу от костров.

Однажды, после очередной такой истории, мы долго не встречались с дядей Костей и уже начали за него беспокоиться. Наконец он пришел в отряд сам и на наши расспросы ответил, что имел «некоторые неприятности».

Он попросил Кочеткова в дальнейшем связываться с ним через его дочь Валю.

– Не рано ли ей? – усомнился Кочетков, знавший дочь Константина Ефимовича.

– Ей семнадцать лет, – сказал Довгер и добавил со вздохом: – Что поделаешь, надо.

Валя выглядела моложе своих семнадцати. Тоненькая, хрупкая, с большими, похожими на отцовские, карими внимательными глазами, она напоминала подростка. Работала она счетоводом на мельнице в селе Виры. Роль связной между отцом и партизанами пришлась ей по душе. Она ревностно принялась за дело.

Как-то, встретившись в условленном месте с Кочетковым и сообщив ему то, что велел передать отец, Валя добавила кое-что и от себя.

– Была я в Сарнах, – сказала она, – немцев там полным-полно. Какой-то запасный полк разместился.

– Пехотный? – поинтересовался Кочетков. Он уже имел эти данные от своих ребят и решил проверить способности Вали как разведчицы.

– Не знаю, – честно призналась девушка. – Но я вам обещаю: к следующему разу я изучу все отличительные знаки. Обязательно.

И действительно, при следующей же встрече Валя назвала Кочеткову все рода войск, проследовавшие в эти дни мимо станции Клесово.

– А зачем вы ходили на станцию? – спросил Кочетков.

– То есть как «зачем»? Смотрела на немецкие эшелоны. Я знаю, вам это нужно.

Так она сама – хотел или не хотел того Кочетков – стала разведчицей.

И он дал ей первое самостоятельное задание.

Валя стала бывать в окрестных селах, ездила в Сарны, где у нее были подруги, узнавала все, что ей поручалось узнать, и, гордая, сияющая, рассказывала Кочеткову.

Константин Ефимович, узнав, что дочь работает самостоятельно, отнесся к тому, что она делает, неодобрительно. Однажды в разговоре со мной он даже пожаловался: «Семнадцать лет девчонке, куда ей! Я бы уж сам как-нибудь. Знаете, одно дело – мы с вами...»

Я понимал его тревогу. Он хотел оградить дочь от жестокой действительности войны. Можно ли было осуждать его за это?

Слухи о появлении в Сарненских лесах целой армии партизан были, по существу, не так уж неосновательны. Хотя отряд насчитывал немногим более ста человек, но в действительности нас было не сто, не двести и даже не дивизия, а гораздо больше. Тем или иным путем, нападая или только сопротивляясь, саботируя немецкие мероприятия, помогая партизанам всюду, где только была к тому возможность, нанося оккупантам урон, все население от мала до велика боролось за свободу и независимость своей Родины – было с нами.

Если бы мы действовали только силами своего отряда, мы ничего не смогли бы сделать, очень скоро мы были бы парализованы или даже уничтожены. Население являлось нашим верным помощником и защитником. На всех этапах борьбы оно было нашей прочной и надежной опорой в тылу врага.

Крестьяне охотно делились с нами скудными своими запасами. Целые деревни собирали для нас продукты – хлеб, овощи. В крупных селах находились наши «маяки» – по восемь –

десять партизан. Эти «маяки» жители называли комендатурами и туда доставляли «харчи для партизан». Место лагеря мы держали в секрете.

Население помогало нам и в разведке. Якобы для продажи кур, овощей или просто под предлогом, будто идут проведать родственников, местные жители посещали районные центры, ближайшие железнодорожные станции; высматривали, выспрашивали и рассказывали обо всем нам. Особенно отличались девушки, старухи и подростки, которых врагу трудно было в чем-либо заподозрить. Местные жители знали дороги, знали людей и приносили отряду неоценимую пользу.

Отряд быстро разрастался. Колхозники сами, по собственной инициативе, стали отправлять к нам своих сыновей. Снаряжали молодежь торжественно – вытаскивали запрятанную от фашистов лучшую одежду и обувь, благословляли в путь. От многих сел у нас в отряде было по десять – пятнадцать человек. А такие села, как Виры, Большие и Малые Селища, стали целиком партизанскими: от каждой семьи кто-нибудь был в отряде.

Вливавшиеся в отряд партизаны проходили у нас военное обучение по программе, рассчитанной на двадцать дней. Дело было поставлено, как в самой заправской военной школе: обучались маршировке, тактике лесного боя, обращению с разного рода оружием. Потом комиссия принимала зачеты. Большинство закончило учение на «хорошо» и «отлично».

Ежедневные сводки с фронтов Отечественной войны, которые мы получали по радио и распространяли в деревнях, поддерживали веру населения в победу Красной Армии.

В хуторах и селах, где мы часто бывали, крестьяне переставали сдавать оккупантам продукты. До нашего появления в этом краю врагу с помощью националистов довольно легко удавалось производить «заготовки». Теперь, когда фашисты заходили туда, их из засад встречали огнем.

Так росло и ширилось организованное сопротивление народа немецко-фашистским захватчикам. Так постепенно возникал в оккупированной Ровенской области новый партизанский край.

Глава пятая

Сарненские леса раскинулись на десятки километров. Но это не был сплошной лесной массив... Через каждые шесть – восемь километров попадался хутор или деревенька, за ней поле и затем опять лес.

Мы остановились в лесу неподалеку от деревни Рудня-Бобровская, километрах в ста двадцати от Ровно. Был август, дни стояли жаркие, поэтому землянок рыть не стали и натянули свои плащ-палатки. У кого их не было, делали шалаши. Лучшим материалом для них оказались еловые ветви. Уложенные густо, они не пропускали дождя. Еловые лапы явились и хорошей подстилкой.

Планировка лагеря была такая. В центре, вокруг костра, симметрично растянуты плащ-палатки работников штаба отряда. В нескольких метрах от штаба с трех сторон располагались санслужба, радиовзвод и штабная кухня. Немного дальше – подразделение разведки. Затем, по краям занятого массива, устраивались строевые подразделения.

Весь наш «поселок» был выстроен за одни сутки. Уже на другой день пошли во всех направлениях разведчики – знакомиться с населением, искать верных людей, узнавать о немцах, добывать продукты.

В первую очередь пошли знающие украинский язык. Таких было немало.

Но не всех партизан можно было посылать в разведку. У многих за время перехода вконец истрепалась обувь. Складов обмундирования у нас не было, а на склады врага на первых порах рассчитывать не приходилось.

«Босоногих», как их в первый же день окрестили в отряде, скопилось довольно большое число. Им ничего не оставалось, как заняться «домашним хозяйством».

Никто не хотел мириться с такой участью.

Боец Королев, коренастый, круглолицый, в прошлом работник пожарной охраны, человек работающий, особенно тяготился своим положением «босоногого», и он нашел выход.

– Товарищ командир, разрешите отлучиться на тридцать минут в лес! – обратился он к своему командиру отделения Грише Сарапулову.

– Зачем? – спросил Сарапулов, смуглолицый парнишка, чуть ли не самый молодой в своем отделении и поэтому невольно напускавший на себя строгость.

– Липу обдирать, – отвечал Королев, помахивая топором, который он только что взял в хозяйственном взводе. – Я себе лапти сплету.

– Что еще за новости? – неодобрительно проворчал Сарапулов, но, подумав, все же разрешил. – Идите, только чтобы не больше тридцати минут.

Через полчаса Королев вернулся. Он устроился на пеньке возле костра и начал работать. Из липовой коры надрал лыка, свил два оборника, вырезал из дерева колодку.

Уроженец Рязанской области, он хорошо владел этим хитрым искусством. «Босоногие», столпившиеся вокруг, дивились, как ловко он накладывает лыко на лыко, продергивает конец одного, стягивает вниз конец другого... Сначала пробовали шутить над Королевым, но он не отвечал, поглощенный делом.

Через час он уже примерил готовый лапоть.

– Ну-ка, давай посмотрю, – сказал подошедший Сарапулов.

Взял, повертел лапоть в руках и, не говоря ни слова, унес с собой. Королев не понимал, что бы это значило.

Сарапулов скоро вернулся и сказал:

– Товарищ Королев, твоя работа одобрена. Майор Стехов просил сплести ему пару лаптей. Одновременно дал приказание всем командирам взводов выделить по два человека и направить к тебе на обучение.

– Ну и ну! – удивился «мастер». Он уже примерял второй лапоть. Делал он это сосредоточенно, чувствуя на себе десятки глаз; польщенный таким вниманием, он, однако, не подавал виду, что доволен им.

Через несколько минут начали подходить «ученики».

– Вы будете товарищ Королев?

– Я.

– Нас послали учиться плести лапти. Собралось восемь учеников.

– Вы, ребята, не смущайтесь, – сказал им Королев, видя, что не все пришли по доброй воле. – Дело стоящее. Лапоть – старинная русская обувка. Мы сейчас с вами трудности переживаем, босиком приходится бегать. Со своего брата крестьянина сапоги не снимешь, а до фашистов пока не добрались. Что делать?.. Между прочим, сказать вам, лапоть для партизан даже лучше сапога. В сапогах ты стучишь ногой так, что за версту слышно, а возьмите лапти, – он прошелся по лугу, – ну что, слышно? Вот вам и мораль. Лапти – партизанская обувь, я считаю... А теперь перейдем к делу. Берется кора, и от целой коры вдоль вырезывается лыко...

На первом же уроке бойцы сплели по одному, хотя и некрасивому, лаптю, а через пару дней многие ходили в новеньких лаптях. Так на первое время разрешена была проблема обуви.

Много нужд было у нас, когда мы оказались в лесу, оторванные от большого мира. Но из всякого положения находился выход. У людей обнаруживались таланты и как раз в тех областях, в которых более всего были нужны. Так произошло с испанцем Ривасом, тем самым, что когда-то растерялся, оказавшись один в лесу.

Ривас никак не мог найти себе применения в отряде. Он был назначен во взвод, но, будучи человеком физически слабым, не мог нести боевую службу наравне с другими. При переходах он так уставал, что его приходилось сажать на повозку вместе с ранеными. По-русски он не знал почти ни слова. Дел по его специальности авиационного механика пока никаких не было. Впервые в жизни пришлось ему нести караульную службу. Он тяжело переживал свое положение. А тут еще, стоя на посту, он имел привычку строгать перочинным ножом какие-то палочки, нарушая этим устав караульной службы, за что получал замечания. Однажды Риваса забыли сменить. Он так расстроился, что совсем пал духом. Мы ему предложили с первым же самолетом, который к нам придет, отправиться обратно в Москву. Ривас согласился. Но случай все изменил.

Как-то Ривас увидел, что один партизан возится с испорченным автоматом. Испанец подошел, посмотрел и промолвил, качая головой:

– Чу-чу! Ремонтир?

– Вот тебе и «чу-чу», ни черта не выходит! – отозвался с досадой партизан.

– Э! Попроба ремонтир! – предложил Ривас, взял автомат и занялся им.

Оказалось, что в диске автомата лопнула пружина. Ривас нашел сломанный патефон – трофей боя на разъезде Будки-Сновидовичи, вытащил из него пружину и пристроил к автомату. Оружие стало действовать.

Этот случай принес Ривасу славу оружейного мастера. Из всех рот потянулись к нему с просьбой починить оружие. Разведчики достали для него тиски, молотки, напильники, и вот Ривас целыми днями пилит, сверлит, режет. Однажды из ржавого болта, работая одним напильником, он сделал превосходный боек для пулемета, так что трудно было отличить от заводского.

Ривас повеселел, часто улыбался и даже начал полнеть. Работал он с большим удовольствием.

Когда было много «заказчиков», он трудился и ночью, при свете костра. Потом смастерил себе подобие лампы, которую по-испански называл «марипоса». Заправлялась «марипоса» не керосином, а конским или коровьим жиром.

Множество оружия, которое было бы брошено, Ривас вернул в строй. У него оказались поистине золотые руки.

– Ривас, часы что-то стали!

– Э! Плехо. Попроба ремонтир.

– Ривас, зажигалка испортилась!

– Ремонтир!

Когда наконец пришел самолет и я спросил Риваса, полетит ли он в Москву, он даже испугался, услышав этот вопрос, замахал обеими руками:

– Ни, ни, я полезный ремонтир!

Так нашелся у нас оружейных дел мастер.

Походных кухонь, как в регулярных частях армии, у нас не было. Не было, конечно, и настоящих поваров. Да что повара – у нас и продовольствия в первое время не было никакого. Было только то, что добровольно давали крестьяне, и то, что силой забирали у предателей.

Порядок распределения продуктов был строгий. Все, что приносили разведчики, до последней крупинки сдавалось в хозяйственную часть и там уже шло по подразделениям. Никто не имел права воспользоваться чем-либо лично для себя.

В каждом подразделении была своя кухня; отдельная кухня обслуживала санчасть, штаб, радистов и разведчиков.

Поваром на штабную кухню назначили казаха Дарбека Абдраимова. Новый «повар» ввел свое «меню». Мы стали есть «болтушку». Делалось это так: мясо варилось в воде, затем оно вынималось, а в бульон засыпалась мука. Получалась густая клейкая масса. Мы называли ее «болтушкой по-казахски». Ели «болтушку» вприкуску с... мясом. Хлеба не было.

Когда муки не было – а это случалось часто, – вместо «болтушки» ели «толчонку»: варили в бульоне картошку и толкли ее.

Если не было ни муки, ни картошки, находили зерно – пшеницу или рожь – и варили это зерно. Всю ночь, бывало, стоит на костре котел, кипит, но зерно все же не разваривается.

Когда появилась мука, стали печь вместо хлеба лепешки. Дарбек это делал мастерски. Он клал тесто на одну сковородку, прикрывал другой и закапывал в угли. Получались пышные «лепешки по-казахски».

Большим подспорьем служил «подножный корм» – грибы, земляника, черника, малина. Ежедневно группы партизан отправлялись в лес собирать грибы и ягоды, каждая группа для своего подразделения. От черники у многих были черные зубы, губы и руки. Иногда чернику «томили» в котлах, на углях костров. Томленая, она походила на джем. А если в нее добавлялся трофейный сахарин, получалось уже лакомое блюдо – варенье к чаю. Кстати сказать, чая у нас тоже не было. Кипяток заваривали листьями и цветом малины.

Много хлопот выпадало на долю Цессарского. Он устраивал санитарные палатки, лечил раненых и больных, следил за гигиеной в лагере и попевал даже в окрестные села, где с нетерпением ждали партизанского доктора.

В самый короткий срок Альберт Вениаминович завоевал себе как врач непоколебимый авторитет. Мы со Стеховым радовались этому обстоятельству: раз бойцы верят в своего врача, значит, каждый из них убежден, что в случае ранения получит нужную помощь; отсюда рождалось чувство уверенности, спокойствие, столь необходимое в нашей боевой работе.

В Цессарского как врача все абсолютно верили. Даже раненому испанцу Флорежаксу он внушил веру в выздоровление, несмотря на то, что тот ничего не понимал по-русски. Цессарский неподражаемой мимикой и жестами умел ему разъяснить то, что хотел, и, во всяком случае, убедить в том, что он, Флорежакс, будет жить и еще убьет не одного фашиста.

Руку Кости Пастаногова наш доктор пристроил на выстроганной по его указанию дощечке, и кость начала срастаться.

Каждое утро, независимо от погоды, Цессарский производил осмотры. Выстроит взвод, прикажет раздеться до пояса. Кого найдет не в порядке – пристыдит, отругает, заставит пойти мыться. Если обнаружит хоть у одного вошь, все подразделение немедленно направляется на санитарную обработку. В теплые дни мылись в речке или у колодца; когда стало холодно, мылись прямо у костра нагретой водой. Мытье было не из приятных, но никто даже не пытался перечить. Раз сказал доктор, значит, баста, так нужно.

Но зато в отряде не было дизентерии и сыпняка, а кругом в деревнях эти болезни свирепствовали.

В отрядной газете «Мы победим», которая стала выходить еще на марше, Цессарский был постоянным корреспондентом. Газета писалась от руки, на обычной ученической тетради. В каждом номере три-четыре страницы отводилось, как правило, доктору. «Объявим войну эпидемиям», «Чистота – наше оружие», «Нечистоплотность в наших рядах – предательство» – вот заголовки статей Цессарского.

В одном номере он поместил такой рисунок: из болота пьют воду свинья и нерадивый партизан. Под рисунком стихи:

Боец, похожий на свинью,
Нас подвергает всех заразе.
В сырой воде всегда полно
Бацилл, бактерий, вони, грязи!

Когда Цессарский приезжал в село, там немедленно выстраивались очереди на прием. Это был единственный вид медицинской помощи, которую получало население. Больных было много. Голод и эпидемия косили людей. В этих условиях на врача смотрели как на избавителя.

После таких приемов Альберт Вениаминович возвращался в лагерь разбитым, молча уходил к себе и долго сидел один в шалаше.

Самое тягостное впечатление производили на него дети – десятки больных детей, которых родители к нему приносили завернутыми в грязное тряпье.

Стоило Цессарскому не побывать в какой-либо деревне шесть-семь дней, как разведчики приносили просьбу жителей прислать поскорее доктора. И Цессарский немедленно отправлялся.

В беседах с товарищами наш доктор утверждал, что его истинное призвание – искусство. – Вот кончится война, пойду в театр актером, – говорил он.

Лишь только выдавался вечером свободный часок, Цессарский шел к костру, где его уже ждали, и начинал «концерт». Он мастерски, с подъемом, читал стихи Пушкина, Маяковского. Далеко был слышен ровный, певучий голос:

С каким наслажденьем
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый
советский паспорт.

Со временем появились у нас свои певцы, плясуны, баянисты. Но на первых порах Цесарский лечил и от болезни и от грусти. Он делал это с одинаковым успехом. Это был врач «на все руки».

Глава шестая

По шоссе Ровно – Костополь едут три фурманки. И хотя в запряжке хорошие, сытые лошади, фурманки движутся не спеша.

На первой немецкий офицер. Он сидит вытянувшись, равнодушно и презрительно поглядывая вокруг. С ним рядом человек в военной форме, с белой повязкой на рукаве и трезубом на пилотке.

На двух других фурманках полно полицаев. Одеты они пестро. На одном военные брюки и простой деревенский пиджак, на другом простые штаны и военная гимнастерка. Но на рукавах у всех белые повязки с Надписью: «Щуцполицай». Повязки эти крестьяне называли «опасками». Если на первой фурманке офицер и полицай, видимо, старший, сидят чинно, то на двух других полицаи, развалившись, горланят песни, дымят самосадом.

Картина обычная, бандиты с офицером-фашистом во главе едут в какое-нибудь село гробить жителей за непокорность.

Шоссе прямое и открытое. По сторонам поля и луга, поодаль леса. Движение на дорогах довольно оживленное. Время от времени грузовая или легковая немецкая машина на большой скорости проносится мимо фурманок. Когда машина обгоняет фурманки или едет им навстречу, офицер еще больше подтягивается, злобно покрикивает на горланящую братию и, выбрасывая правую руку вперед, приветствует встречных немцев. Ясно, что офицеру противно тащиться на фурманке со сбродом людей «низшей расы», когда его коллеги разъезжают в комфортабельных автомобилях.

Вот уже три часа, как фурманки движутся по шоссе, пугая своим появлением жителей придорожных хуторов. При их появлении люди скрываются в хаты и робко выглядывают из окон.

Впереди на шоссе показалась большая красивая легковая машина. Дорога тянется среди поля. Офицер на фурманке привстал, внимательно осмотрелся вокруг. Кроме этой машины, ни позади, ни впереди никого не видно. Тогда, повернувшись к задним фурманкам, он поднимает руку. Песни и гам мгновенно смолкают.

Машина приближается. Полицай, сидящий рядом с офицером, соскакивает с фурманки и быстро идет вперед. Как только машина поравнялась с ним, он спокойно, как на учении, бросает в нее гранату. Разрыв пришелся позади машины, но блестящий «опель-адмирал» в придорожном кювете...

«Хлопцы», горланившие на задних фурманках, посыпались на землю и с оружием на изготовку бросились к опрокинутому автомобилю. Офицер, командовавший «полицаями», уже стоял тут.

– Молодец, Приходько! – сказал он по-русски «полицая», бросившему гранату. – Хорошо рассчитал. Машину перевернул, а пассажиры целы.

Когда из машины вытащили двух испуганных и немного помятых фашистов, тот же офицер заговорил с ними по-немецки:

– Господа, прошу не беспокоиться. Я лейтенант немецкой армии Пауль Зиберт. С кем имею честь разговаривать?

Пожилой офицер с рыжими волосами и прыщеватым лицом ответил:

– Я майор граф Гаан, начальник отдела рейхскомиссариата. А со мною, – он указал на другого, – имперский советник связи Райе, из Берлина.

– Очень приятно, – сказал лейтенант. – Ваша машина пострадала, прошу пересесть на повозку.

– Объясните, в чем дело! – потребовал граф. – Я ничего не понимаю.

Он собирался что-то еще выяснить, но лейтенант кивнул своим людям. Те схватили фашистов, связали им руки и уложили в фурманки.

На первом же повороте фурманки свернули в сторону от шоссе и скоро очутились на нашем партизанском «маяке». Здесь немецкий офицер переоделся в комбинезон и стал тем, кем был на самом деле, – Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Изо дня в день Кузнецов изучал обстановку, подолгу беседовал с товарищами, возвращавшимися из разведки, с задержанными на постах местными жителями. Но больше всего интересовали Кузнецова пленные гитлеровцы. Решив объявить себя пруссаком, он перечитал все, что мог достать, о Восточной Пруссии, о ее экономике, природе, населении; в конце концов настолько живо представлял себе эту область и ее центр – город Кенигсберг, словно там родился и прожил всю жизнь.

Беседы с пленными гитлеровцами могли помочь ему в этих занятиях.

Но пленные, которых мы брали, никак не удовлетворяли Николая Ивановича.

– Не люди, олухи какие-то! – сказал он мне как-то после очередной беседы. – Заводные манекены. Кроме «хайль Гитлер» и «Гитлер капут», ни черта не знают. Спросишь о чем-нибудь важном – обязательно станут во фронт, руки по швам: «Я солдат и в политике не разбираюсь». Разговаривать противно.

– Откуда же я вам профессора достану? – смеясь, возразил я.

– Я мог бы достать себе настоящего «языка», длинного, который многое знает и многое сможет рассказать.

– Каким образом?

– Надумал одну операцию. Дело только за вашим разрешением.

Так возник план «подвижной засады».

Как указывается в военных учебниках, обыкновенная засада проводится так: притаившись в определенных местах, бойцы ждут появления противника и нападают на него. Ну а если вам дано открытое шоссе и кругом одни лишь поля, где там устроить засаду? Вот почему Николай Иванович решил провести, как он сам выразился, «подвижную засаду» на фурманках.

Он недаром облюбовал красивый «опель-адмирал». Пассажиры этой машины действительно оказались интересной добычей, «языки» на самом деле длинные.

В лагере Кузнецов явился к пленным все в той же форме немецкого лейтенанта. Соблюдая положенный в германской армии этикет, он расшаркался перед ними.

– Садитесь, – хмуро предложил галантному лейтенанту майор Гаан, указывая на бревно. Иного сиденья в палатке не было.

– Как вы себя чувствуете? – любезно осведомился Кузнецов.

Но пленные были настроены не столь благодушно.

– Скажите, где мы находимся и что все это означает?

– Вы в лагере русских партизан.

– Почему же вы, офицер немецкой армии, оказались в стане наших врагов?

– Я русский.

– Зачем вы говорите неправду! – возмутился граф. – Вы немец, вы предали своего фюрера!

Кузнецов решил уступить.

– Я пришел к выводу, что война проиграна. Гитлер ведет Германию к гибели. Я добровольно перешел к русским, а вам советую быть откровенными.

Пленные упирались недолго. Скоро у Кузнецова началась с ними откровенная беседа. С этими «собеседниками» Николай Иванович мог, кстати, проверить себя и свое знание немецкого языка. К тому же граф Гаан оказался «земляком» Кузнецова, он проживал в Кенигсберге.

Среди многочисленных секретных бумаг у пленных оказалась топографическая карта, на которой были детально нанесены все пути сообщения и средства связи гитлеровцев как на

территории Украины и Польши, так и в самой Германии. Изучая эту ценную карту, Кузнецов обратил внимание на линию, смысл которой был ему неясен. Линия начиналась между селами Якушинцы и Стрижевка, в десяти километрах западнее города Винницы, и кончалась у Берлина.

Какая же связь между маленькими украинскими селами и столицей гитлеровской Германии?

Ни граф Гаан, ни имперский советник связи Райе долго не хотели отвечать на этот вопрос.

– Это государственная тайна, – заявил Гаан.

Но именно поэтому-то мы и интересовались линией Берлин – Якушинцы. Кузнецову пришлось допросить пленных как следует.

– Это многожильный подземный бронированный кабель, – сказал наконец Раис под упорным взглядом Кузнецова.

– Для чего он проложен?

– Он связывает Берлин с деревней Якушинцы.

– Это я вижу на карте. А почему именно с Якушинцами?

Пленные продолжали молчать.

– Там находится ставка фюрера, – процедил имперский советник.

– Когда проложен подземный кабель?

– Месяц назад.

– Кто его прокладывал?

– Русские. Военнопленные.

– Русским военнопленным доверили тайну местонахождения ставки Гитлера?

– Их обезопасили.

– Что вы имеете в виду? Пленные молчали.

– Что вы имеете в виду? – повторил Кузнецов, меняясь в лице. – Их уничтожили?

Пленные продолжали молчать.

– Сколько их было?

– Военнопленных? – пробормотал Гаан. – Двенадцать тысяч.

– И все двенадцать тысяч...

– Но это же гестапо.

– Двенадцать тысяч человек!

– Это гестапо! – твердили фашисты.

Кузнецов был по натуре человеком сдержанным. Я не помнил случая, чтобы он нервничал, повышал голос, давал волю своему негодованию. Но тут он не выдержал. Все, что постепенно накапливалось в его душе, вырвалось наружу неукротимым желанием мести, стремлением самому, своими руками, физически уничтожать извергов.

С этого дня просьбы Кузнецова об отправке его в Ровно стали еще настойчивее.

– Я готов, – доказывал он. – Видите, вот у этих двух гитлеровцев не возникло даже сомнения в том, что я немец.

В самом деле, история с Гааном и Райсом послужила прекрасной проверкой готовности Кузнецова. Язык он знал действительно в совершенстве и так же в совершенстве усвоил манеры состоятельного отпрыска прусской юнкерской семьи, привилегированного офицера.

Что касается языка, то Кузнецов вообще был прирожденным лингвистом. До прибытия в лагерь он совершенно не знал украинского языка. За короткое время пребывания на Украине, посещая хутора, общаясь с партизанами-украинцами, он быстро усвоил их язык, научился украинским песням. Крестьяне считали его настоящим «хохлом». Когда мы появились в местах, населенных поляками, Николай Иванович заговорил по-польски и даже запел польский национальный гимн.

Можно было бы не откладывать отправку Кузнецова, если бы не некоторые «мелочи», внушавшие беспокойство. Одной из таких «мелочей» было то, что Николай Иванович иногда разговаривал во сне. Разговаривал, конечно, по-русски.

– Это может вас выдать, – сказал я ему. – Вы должны забыть русскую речь. Именно забыть. Говорите только по-немецки, думайте по-немецки. Не с кем говорить? Идите к Цесарскому, разговаривайте с ним.

– Хорошо, – согласился Кузнецов. – Я постараюсь.

Он принадлежал к числу тех людей, которые скупно рассказывают о себе и о которых больше говорят их поступки, нежели слова. Чем ближе я узнавал его, тем лучше видел, что причиной его замкнутости была не скрытность характера, не самомнение, а скромность – естественная скромность человека, не находившего в своей жизни ничего такого, что могло бы поразить или чем-то удивить других людей. Биографию свою он считал самой заурядной и нередко завидовал тем, чья жизнь складывалась бурно, была насыщена событиями, казалась интереснее, чем его.

Как-то мы разговорились с ним, возвращаясь с охоты. Был холодный осенний полдень. Моросил мелкий дождь. Мы оба порядком устали, думали каждый о своем и лишь изредка перебрасывались отдельными словами. Незаметно разговор зашел о Саше Творогове, человеке, которого мы оба хорошо знали и любили.

– Творогов был из тех, кто к тридцати годам может писать свою биографию в трех томах, – сказал Кузнецов, не скрывая зависти.

– А разве вы, Николай Иванович, не могли бы рассказать о своей жизни, ну если не в трех томах, то хотя бы в одном? – удивился я. – Неужели ваша жизнь протекала так уж неинтересно, что о ней и сказать нечего?

– Да нет, я бы не сказал, что недоволен своей жизнью, – ответил Кузнецов задумчиво. – Но есть люди, жизнь которых достойна удивления и подражания. Люди воевали в Испании, дрались с японцами на Халхин-Голе, участвовали в финской войне, а у меня что? Моя жизнь самая обыкновенная, найдутся сотни тысяч с такой биографией. Родители мои простые крестьяне. Нас, детей, у них было четверо – сестры Лида и Агафья, брат Виктор и я. Из братьев я старший. Семи лет пошел в школу. У меня всегда была хорошая память. Было мне лет семь или восемь, когда я читал отцу наизусть «Бородино» Лермонтова. Помните это стихотворение?

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой...

Продекламировав, Кузнецов продолжал:

– Жили мы на Урале, в Свердловской области, в селе Зырянка. Село большое – дворов триста, сплошь беднота, школа маленькая – четыре класса. Тем, что мне удалось доучиться, я во многом обязан семье Прохоровых. Эти чудесные люди много сделали для моего воспитания, я до сих пор благодарен им. Потом мне пришлось ехать в Талицу, районный центр. Там я жил самостоятельно, отец платил за угол да за харчи. Техникум кончал в Тюмени, откуда уехал в Кудымкар – в Коми-Пермяцкий автономный округ, там работал по специальности. Так получилось, что я редко с тех пор виделся со своими. Помню, приехал домой в двадцать девятом году – отца в живых уже не было, мать мучается одна с семьей. Приезжаю я, как сейчас помню, в комсомольском костюме – некоторые комсомольцы тогда форму носили. Говорю

матери: «Почему, мама, в коммуны не вступишь?» Рядом с селом была коммуна «Красный пахарь», организовалась она еще в девятнадцатом году. «Боязно». Три дня я ее агитировал. Убедил-таки. Хотел на следующий год приехать, посмотреть, как старушка в коммуне работает, да не удалось. Так, представьте себе, и не был с тех пор на родине. Кончим войну – обязательно побываю.

Он умолк, задумался немного и снова заговорил:

– С тех пор из родных виделся только с братом Виктором. Он приезжал в Кудымкар. Виктор работал в Свердловске, на Уралмашзаводе. Много интересного рассказывал, хвалился. Своими рассказами он и меня соблазнил. Уехал я в Свердловск. Поступил на «Уралмаш», в конструкторское бюро, и начал учиться в заочном индустриальном институте. Учиться хотелось дьявольски. Читал запоем книгу за книгой...

– Тогда и немецкий язык изучили? – спросил я – Да, начал тогда... Взяться за него случайно. До этого никогда не подозревал в себе способностей к языкам. Были у нас на заводе немцы, иностранные специалисты. По работе мне приходилось иметь с ними дело. Придет такой дядя в брюках гольф, начнет тарыхтеть, тычет пальцем в чертежи, доказывает... Я и не заметил, как научился довольно ловко с ними объясняться. Немецкий язык меня крепко заинтересовал. Захотелось читать Гёте в подлиннике. В переводах все-таки сильно проигрывает. Поступил я – опять заочно – на курсы иностранных языков. Учеба шла довольно быстро. С одной стороны, курсы – грамматика, словари, переводы из классиков, с другой – немцы-инженеры, разговорная практика. Так вот и научился. В тридцать шестом году я защитил диплом инженера, и знаете как? – Кузнецов прищурил глаза. – На немецком языке. Захотелось блеснуть. – Помолчал. – Из Свердловска попал в Москву, года полтора работал на заводе, тут началась война... Снова помолчал.

– У вас родные остались в Москве? – вдруг неожиданно спросил он.

– Осталась жена, – ответил я. – Сын добровольно пошел в армию.

– Вы о нем что-нибудь знаете?

– Почти ничего.

– Вот и я о своих почти ничего не знаю. Сам-то я, правда, жил всегда бобылем, в свои тридцать лет так и не успел жениться... Брат в армии. С первого дня. В октябре под Вязьмой попал в окружение. Месяц ходил по лесам, голодный, еле выбрался. Попал в Волоколамск, оттуда в Москву. Представьте – звонит ко мне с Ржевского вокзала. Пробыли мы вместе два часа, пока эшелон стоял. Где он теперь, не знаю. Перед вылетом написал ему на полевую почту...

Беседа наша была прервана самым неожиданным образом. Мы почувствовали, что в кустах находится какое-то живое существо. Явственно слышалось прерывистое дыхание. Не сговариваясь, изготовив оружие, стали подходить к кустам. Мы увидели мальчугана, совсем маленького, лет шести-семи. Он лежал, запрокинув голову. Малыш еле слышно отозвался на наш оклик.

Вид у него был страшный. Худое тело, ребра, обтянутые синей кожей, неестественно тонкие ноги... Одет в какое-то тряпье. На ноге гноилась рана. Мальчик мутными, словно безжизненными глазами смотрел на нас и ежился. Из нескольких слов, которые он произнес, мы узнали, что его зовут Пиней, что он убежал из гетто искать мать, которую в группе евреев фашисты вывезли за город, искал ее почему-то в лесу... Заблудился. Лежал в кустах двое или трое суток.

Николай Иванович стоял бледный, сжав губы так, что на лице его ясно обозначились скулы. Ни слова не говоря, он снял с себя телогрейку, бережно, словно боясь причинить боль, поднял мальчика, укутал его и быстрыми шагами пошел с этой ношей к лагерю.

Вечером он пришел ко мне и вновь стал просить, чтобы его немедленно отправили в Ровно.

Если еще тогда, в гостинице, при нашем первом знакомстве, Кузнецов высказал твердое желание активно бороться с ненавистным врагом, то теперь, после всего, что он здесь увидел, это желание удесятерилось, стало всепоглощающей страстью, неутолимой жадой. И чем дальше, чем труднее было удерживать Кузнецова в отряде.

Недалеко от лагеря, у деревни Вороновки, мы подыскали луг, удобный для приема самолетов. Площадка большая, но ровного места в обрез. Чтобы произвести посадку, от летчика требовалась исключительная точность.

Из Москвы нам обещали прислать боеприпасы, а в Москву мы хотели отправить добытые нами важные документы и раненых.

Мы сообщили координаты и получили извещение, что самолет будет.

Кочетков, как специалист по аэродромным делам, по всем правилам распланировал костры: один из них ограничивал площадку, другие изображали букву Т, указывая направление и место посадки. На дорогах, ведущих к аэродрому, на расстоянии трех – пяти километров были расставлены наши секретные сторожевые посты.

Две ночи прождали мы напрасно, и только на третью самолет вылетел. Но нас подстерегала беда.

За час до появления самолета со стороны небольшой речушки надвинулся густой туман. Расстилаясь по земле, он совсем закрыл площадку. Что делать? Предупредить летчика, что садить машину опасно, мы не могли – сигналов для этого не было предусмотрено.

– Виктор Васильевич, – сказал я Кочеткову, – разжигайте сильнее костры, может, кострами разгоним туман.

Костры запылали, но туман не проходил. Послышался гул моторов.

– Воздух! Поддай еще! – командовал Кочетков. Вот где пригодился его зычный голос.

Еле видный из-за тумана самолет появился над площадкой, пролетел и ушел в сторону.

– Улетел – понял, что садиться нельзя, – решил я.

Но вдруг вновь послышался гул моторов.

– Летит, летит!

– Решил садиться!

Гул нарастал. Мы не видели самолета, но по звуку поняли, что он уже над площадкой. Мгновенная вспышка и страшный треск.

В тумане летчик не увидел знака Т и приземлился не там, где следовало.

За краем площадки, в нескольких метрах от речушки, уткнувшись носом в землю, стояла машина. Из нее выскочили с пистолетами в руках летчики, штурман и радист. Увидев своих, они убрали пистолеты и беспомощно сели на землю. У командира экипажа, с которым я поздравился, лоб был в крови.

– Вы ранены?

– Пустяки... А вот он, – капитан указал на самолет, – ранен смертельно.

Вместе с экипажем наш механик Ривас осмотрел машину и подтвердил, что ничего сделать нельзя – все разбито. Повреждено шасси, пробиты крылья и баки. Нужен не ремонт, а замена частей. Как ни жаль, но единственное возможное решение – сжечь самолет, а несгоревшие части бросить в реку.

Партизаны быстро разгрузили машину, сняли с нее пулеметы и все, что могло быть отвинчено и оторвано. Потом подложили под крылья и баки солому, полили бензином и подожгли.

Самолет охватило, пламенем, взорвались баки, к небу поднялись клубы дыма. А мы стояли в стороне и молча прощались с ним, как с живым посланцем Родины. В какой-то степени и мы и летчики чувствовали, себя виноватыми за аварию. Но в чем наша вина? Проклятый туман!

На следующий день в отряде состоялся митинг. Мы поклялись, что вместо этого самолета уничтожим десять вражеских и взятые в бою ценности отправим в Москву, на постройку

новых машин. Находясь в тылу врага, мы поддержали патриотическое движение рабочих, колхозников, советской интеллигенции, отдававших свои сбережения на постройку вооружения для армии.

Снова начались поиски более надежной площадки. В этих поисках мы встретились, с людьми, которые указали нам место, пригодное для приема самолетов, и принесли отряду большую пользу.

Глава седьмая

Разведчики доложили, что несколько дней назад на одной из дорог, в двух десятках километров от лагеря, неизвестные люди напали на вражеский обоз с молочными продуктами. Фашистов перебили, а продукты забрали и роздали крестьянам. «Вероятно, кто-нибудь из наших разведчиков», – подумал я. Опросил товарищей – никто ничего не знает. Через несколько дней опять новость: на большаке кем-то была остановлена немецкая легковая машина. В ней ехал майор, шеф жандармерии района, в сопровождении двух солдат. Они везли с собой пятерых связанных по рукам и ногам крестьян. Неизвестные расстреляли шефа жандармерии и солдат, а крестьян отпустили по домам. Сведения были туманны и нуждались в уточнении. Но какую радость вызвали они в отряде, как подняли настроение партизан: «Значит, мы здесь не одни!»

Хотелось как можно скорее узнать, кто они, эти неизвестные наши соратники.

Разведчикам было поручено наводить справки во всех окрестных селах, расспрашивать крестьян: кто еще, кроме нас, партизанит в этих краях? Но проходили дни, а мы так и не могли установить, кто совершил налет на гитлеровцев на большаке.

Зато мы убедились, что действительно рядом с нами существуют и действуют группы советских патриотов, небольшие по численности, не всегда хорошо вооруженные, оторванные друг от друга, но сильные в своей непреклонной решимости уничтожить немецких захватчиков. Не проходило дня, чтобы такие группы не давали о себе знать. Все чаще и чаще видели мы их у себя в лагере – они приходили в сопровождении наших разведчиков и оставались в отряде.

Так пришел к нам житель села Виры Демьян Денисович Примак, человек пожилой, не очень крепкого здоровья, но тем не менее решившийся партизанить вместе со своими двумя сыновьями. Все трое были вооружены винтовками и имели солидный запас патронов.

– Сил нет смотреть, что с народом делают, – заявил Демьян Денисович. Несмотря на небольшой рост и сутулые, натруженные плечи, он гордо стоял среди безусых своих сыновей.

Неподалеку от села Ясногорки разведчикам повстречался деревенский паренек Поликарп Вознюк. С ним было пятеро хлопцев, которые сидели в засаде и которых он окликнул, когда убедился, что имеет дело с партизанами.

Хлопцы были из разных деревень и первое время скитались поодиночке, ища способов добыть оружие и начать борьбу.

Иван Лойчиц, первым ставший на этот путь, нашел сначала Поликарпа Вознюка, затем Семена Еленца. Оба парня были комсомольцы, и тем охотнее Лойчиц им доверился. Потом к ним присоединился еще один товарищ, за этим двое других.

Первые три винтовки были отняты у лесников, еще три и четыреста патронов к ним добыли в результате засады на эсэсовца, «ведавшего» шесть селами и угонявшего молодежь на фашистскую каторгу. Сам эсэсовец, чудом уцелевший, тут же уехал в районный центр Клевово и больше у себя на «участке» не показывался. В деревне Селищи партизаны вшестером обезоружили группу полицаев, надолго отвадив их от этой деревни.

Таким образом, Вознюк, Лойчиц и остальные, правда не причинив врагам достаточно большого урона, все же нагнали на них страху и, главное, завладели оружием, которое пригодилось на будущее.

Разведчики привели их в отряд. У всех – и у разведчиков, и у хлопцев – были сияющие лица. Они долго потом рассказывали, как познакомились, как угощали друг друга: разведчики хлопцев – самодельной партизанской колбасой и папиросами, те их – хлебом и махоркой-само-садом – всем, что у них было.

Новички поведали, что много людей в селах стремится уйти в партизаны; их останавливает лишь мысль о семьях, которым в этом случае наверняка грозит гибель от рук врагов.

Мы, конечно, спросили и у Демьяна Денисовича Примака, и у Вознюка с его ребятами, неизвестен ли им в этих местах какой-либо еще партизанский отряд, кроме нашего, и, в частности, не слышали ли они о нападении на машину шефа жандармерии. Но они знали об этом не больше нашего.

Вскоре, однако, загадку удалось решить.

Четверо партизан отправились в разведку. Им было дано задание подыскать новую площадку, которая могла бы служить аэродромом.

Во главе четверки пошел молодой партизан по фамилии Саргсян, по имени Наполеон, уроженец Еревана; человек смелый, но увлекающийся, способный сгоряча сделать неосторожный шаг. Так случилось с ним и на этот раз. Возвращаясь в лагерь, Наполеон остановился с товарищами возле незнакомой деревни, куда ему вдруг захотелось заглянуть.

– Вы подождите меня, – сказал он разведчикам, – я скоро. Только посмотрю, что делается, и обратно.

Это был, конечно, безрассудный шаг. Пойти в незнакомую деревню в гимнастерке и брюках защитного цвета, в пилотке с пятиконечной звездой!..

Недолго думая, Саргсян «замаскировался» – повернул пилотку звездой назад и отдал автомат товарищу.

У крайней хаты ему пришлось остановиться. Он увидел какого-то мужчину. Тот дал знак в окно хаты. Оттуда вышел еще мужчина, Саргсян решил, что это, засада, и бросился назад. Незнакомцы за ним. Разведчики, наблюдавшие с опушки, заметили погоню и залегли, собираясь прикрыть огнем безоружного товарища.

Но тут они услышали довольно мирный голос одного из преследователей:

– Эй, хлопец, подожди, поговорим.

Саргсян добежал до опушки, взял у партизан свой автомат, изготовился к стрельбе.

– Да положи ты автомат! – крикнул один из преследователей. Спокойствие, с которым он приближался к разведчикам, подействовало на Саргсяна отрезвляюще.

Он опустил оружие и увидел перед собой коренастого, розовощекого парня. Тот говорил:

– Поверни-ка лучше пилотку. Я сам успокоился, когда ты бежал: раз звездочка, значит, все в порядке, свои.

– Допустим, – отвечал Саргсян, на всякий случай не выпуская автомата. Он был совершенно сбит с толку.

– Меня зовут Николай Струтинский, – отрекомендовался новый знакомый. – Передайте вашему командиру, что я хочу с ним поговорить. У меня тут небольшая группа – тоже партизанам.

Они условились о следующем свидании. На прощание Струтинский подарил Саргсяну трофейный серебряный тесак. Разведчики были уже далеко, когда Саргсян, оглянувшись, увидел коренастую фигуру Струтинского. Юноша все еще стоял на опушке, провожая их взглядом.

Возвратившись в лагерь, Саргсян доложил о встрече, но умолчал о том, как он оставил оружие у товарищей и как потом бежал. Ничего не сказал он и о подарке. Я велел привести Струтинского в лагерь.

На другой день я все же узнал о том, что хотел скрыть от меня Саргсян. Узнал из нашей отрядной газеты «Мы победим». В газете был нарисован шарж: с перевернутой назад пилоткой, заложив руки в карманы, важно шествует Саргсян, а позади стоит удивленный разведчик и держит его автомат.

Под рисунком стихи:

Наполеон в поход собрался,
И, чтоб свободным быть,
Он быстро догадался

Друзьям оружие сбыть...
Запоем нашу песнь о болотах,
О лесах да колючей стерне,
Где когда-то свободный Голота,
С вихрем споря, гулял на коне...

Саргсяна в лагере не было, он отправился за Струтинским. Когда он вернулся, я показал ему рисунок в газете:

– Узнаешь?

Он долго рассматривал рисунок. Я видел, как густая краска залила его лицо. Видимо, не зная, что ответить, он смущенно молчал. Я пришел на помощь:

– Это правда?

– Да, – ответил Саргсян.

– Кто же отдает свое оружие? Где это слыхано, а?

– Больше не повторится, – выговорил он тихо. Я узнал, что Саргсян, осознав свою вину, пуще всего боялся, что его перестанут посылать в разведку.

Неподалеку от штабного шалаша стояли люди, которых привел Саргсян. Их девять человек. Они были вооружены самозарядными винтовками СВ, немецкими карабинами и пистолетами. Из карманов торчали Рукоятки немецких гранат, похожих на толкушки, которыми хозяйки мнут вареную картошку. Тут же стоял пулемет, снятый, видимо, с советского танка.

– Кто старший? – спросил я, глядя на пожилого, с тронутыми сединой, рыжеватыми усами партизана. Он стоял, опершись вместо палки на срезанный сосновый сук, и взирал, именно взирал строго и испытующе на стоявших рядом молодых людей. Я полагал, что человек с выцветшими усами и есть старший.

Но я ошибся. От группы отделился молодой паренек с пунцовыми – то ли от волнения, то ли от природы – щеками.

– Это вы Николай Струтинский?

– Да, – отвечал паренек сдержанно, но с достоинством.

– Я вас слушаю.

– Да вот, как видите, пришли к вам. Хотим остаться.

– Это ваш отряд?

– Тут у нас почти все свои, – сказал Струтинский. – Это, – он показал на пожилого, – отец, эти вот братья – Жорж, Ростислав, Владимир. Те двое – наши колхозники, а эти – военнопленные, бежали из ровенского лагеря. Еще мать у нас с сестренкой, на хуторе укрытые. Если примете нас, возьмем их сюда...

Итак, передо мной партизанская семья. Отец, мать, четверо сыновей... Ребята, что называется, один к одному.

– Всей семьей к нам?

Старик ответил за сына:

– Да уж все, кто есть.

Крепкие, кряжистые, похожие друг на друга и на отца; у всех правильные черты, чистые голубые глаза, своеобразная посадка головы, придающая гордую осанку фигуре.

Николай рассказал, что в их группе было двадцать человек, но одиннадцать из них – бывшие военнопленные – недавно ушли к линии фронта, на соединение с Красной Армией.

Говорил он медленно, то и дело заливаясь краской. Старик не сводил глаз с сына и беззвучным движением губ как бы повторял его слова.

– Как же вы партизанили? – поинтересовался я.

– Да так уж, – отвечал, опустив глаза, Николай. – Что умели, то и делали. Ну, а больше скрывались и искали партизан.

– Откуда вы о нас узнали?

– О вас много разговоров по деревням. Мы и решили найти вас и присоединиться...

Так отряд пополнился еще девятью бойцами.

Я много думал о семье Струтинских. Вот она, наша сила. Семья, от мала до велика поднявшаяся на борьбу с врагом. Такой народ невозможно покорить!

...Я увидел у Саргсяна серебряный тесак. Такие тесаки носили обыкновенно немецкие старшие офицеры.

– Откуда он у тебя?

– Товарищ командир, это подарок.

– От кого?

– Да этот самый Струтинский подарил.

Откуда у Струтинского появился немецкий офицерский тесак? Спросил его.

– Да мы тут как-то отбивали арестованных колхозников, а с ними шеф жандармерии ехал. У него я и взял.

– Так это были вы?

– Мы, – сказал Струтинский, недоумевая, почему это могло меня заинтересовать. – Разве мы тут ошиблись, товарищ командир? – спросил он, краснея.

– Нет, – сказал я, – вы поступили правильно. Уничтожать фашистов из фельджандармерии – это наша всенародная, почетная задача.

Всю свою жизнь Владимир Степанович Струтинский проработал каменщиком в Людвипольском районе. Девять детей вырастил он с женой Марфой Ильиничной. Советская власть принесла счастье этим простым труженикам. Впервые почувствовали они себя свободными, полноправными людьми. Свет нового мира вошел в жизнь Струтинских, согрел ее своим теплом, озарил своими высокими идеями, сделал доступными самые смелые мечты.

Владимир Степанович получил возможность на старости лет оставить тяжелую работу и устроился в лесничество помощником лесничего. Николай, окончив курсы, начал работать шофером в Ровно. Жорж уехал в Керчь, поступил на судостроительный завод учеником токаря. Как и брат, он получил квалификацию бесплатно, за счет государства. Младшие дети оставались пока в семье.

Началась война. Враг захватил родной край. В первые же дни оккупации двух сыновей Владимира Степановича – Николая и Ростислава – арестовали и хотели отправить в Германию, но они бежали из лагеря в лес. Скоро к ним присоединился третий брат – Жорж. Начало войны застало его в армии – часть попала в окружение; после долгих мытарств Жорж пробрался в родные края.

С разбитого, брошенного на дороге танка Жорж снял пулемет и приспособил его для стрельбы с руки. Так у братьев появилось оружие. Из этого пулемета Николай и убил фашистского жандарма. Автомат, взятый у убитого врага, стал оружием Николая.

Они и не заметили, как стали партизанским отрядом – пусть маленьким, но активным. К сыновьям присоединился отец. По его предложению командиром назначили Николая.

Партизанская семья Струтинских обростала людьми. Присоединялись односельчане, колхозники из соседних деревень, бежавшие из лагерей военнопленные.

В селах начали поговаривать о братьях-партизанах. По указке предателя фашисты ворвались в дом Струтинских, где была только мать, Марфа Ильинична, с четырьмя младшими детьми. Ее били ногами, прикладами, били на ее глазах детей, требуя, чтобы она указала, где муж и сыновья. Ничего не добившись, палачи скрутили ей руки и заявили: «Повесим, если не скажешь».

Но не повесили. Решили оставить, надеясь, что, когда она будет дома, удастся выследить ее сыновей.

Ночью Владимир Степанович пробрался к своей хате и тихонько постучал.

Марфа Ильинична открыла дверь.

– Слушай, мать, – сказал Владимир Степанович, войдя в хату, – зараз собирайся, бери хлопцев, бери дочку, и пойдем. Я провожу тебя на хутор, к верному человеку. Володю возьму с собой...

Марфа Ильинична наскоро собралась, разбудила детишек. Под покровом короткой летней ночи, никем не замеченные, Струтинские покинули родной угол. Через день фашистские жандармы сожгли хату, а оставшийся скарб разграбили.

Эту волнующую историю рассказал мне Владимир Степанович. Он поделился своей тревогой за жену и детей:

– Боюсь, найдут их на хуторе. Если найдут – беда. Не оставят в живых.

– А часто ездят фашисты на этот хутор?

– Фашисты почти не ездят...

– Ну ничего, пока как-нибудь обойдется, а там придумаем, – успокоил я старика, думая про себя, что надо взять его жену и малышей в отряд и отправить самолетом в Москву.

– Фашисты почти не ездят, – продолжал Владимир Степанович, – а вот националисты... Они ведь нас агитировали, хотели, чтобы мы к ним подались. Видите вот. – Он достал из кармана кисет и извлек оттуда смятую бумажку с краями, оборванными на курево. – Листовки давали читать... Ну а мы... Мы как прочли те листовки, так сразу и порешили: будем искать партизан, а не найдем – сами станем партизанить, своим, значит, отрядом. Я и опасуюсь теперь, как бы предатели не нашли старуху мою на том хуторе... – Голос его дрогнул. Он помолчал и добавил: – Может, можно их в отряд, товарищ командир? Старуха у меня еще бодрая. Да и дети будут помощниками.

– Хорошо, – согласился я, – пошлем за ними.

– Спасибо вам.

– Что же за листовки давали вам читать? Старик расправил концы бумажки, протянул ее мне.

Я прочел: «Немец – это наш временный враг. Если его не озлоблять – ничего худого он не сделает. Как пришел, так и уйдет».

– Вы видите, – гневно проговорил старик, – они призывают смириться, стать перед фашистом на колени. Вы видите?

– Вижу, – сказал я.

– А мы... Лучше мы все погибнем, лучше на смертную казнь, но на коленях стоять не будем... Этого они не увидят, – горячо произнес он, забрав листовку и пряча ее обратно в кисет.

Рассказ Струтинского лишний раз подтвердил, что агитация Бульбы, Бандеры и других бандитских атаманов не только не имеет успеха среди населения, но оказывает прямо обратное действие. Атаманы навсегда разоблачили себя перед населением как прислужники немецких фашистов. Каждый день подымал на борьбу против захватчиков и против предателей-националистов все новые и новые массы крестьян.

В те дни мы еще не знали, что атаманы, предвидя свой близкий провал, предпримут последнюю попытку спастись, что в темных недрах гестапо возник новый чудовищный план, план так называемого «ухода в подполье», что во Львове и Луцке уже печатаются в огромных тиражах антинемецкие листовки, за подписью атаманов – печатаются в немецких военных типографиях, под строжайшей охраной гестапо.

Но спустя короткое время образцы этой печатной «продукции» уже лежали у нас в штабе.

Вскоре мы получили приглашение Бульбы «вступить в переговоры».

Бульба считал, что нас тут на самом деле целая армия. Так он адресовал и записку, которую принес нам Константин Ефимович Довгер: «Командующему советскими партизанскими силами». Очевидно, мы все же неплохо подтверждали ходившие про нас слухи.

Как поступить? Посылать ли наших людей туда, где, согласно записке, будет ждать их Бульба? А если это ловушка?

Мы долго ломали голову над этим вопросом. Самой убедительной показалась все же версия, что Бульба будет пытаться установить с нами «добрососедские отношения», с тем чтобы, во-первых, уверить нас в своей «лояльности», во-вторых, выведать о нас как можно больше и эти сведения передать гитлеровцам. Ну что же, у нас тоже были свои планы. И мы решили рискнуть.

Шестнадцатого сентября в лесу, в назначенном месте, наша группа из пятнадцати автоматчиков во главе с Александром Александровичем Лукиным была встречена группой националистов, главарь которой, махровый бандит, носивший знаки «бунчужного» и назвавший себя «адъютантом атамана Бульбы», заявил, что ему поручено сопровождать партизан «до ставки атамана».

«Ставка» находилась на одиноком хуторе близ села Бельчанки-Глушков. Хутор был оцеплен тройным кольцом вооруженных бандитов. Лукин и его автоматчики подумали, что если они попали в западню, то об отступлении нечего и думать. Они были готовы дорого отдать свои жизни.

Полный, большеголовый, с вьющейся седеющей шевелюрой, Лукин шел впереди автоматчиков, внимательно поглядывая по сторонам, и все запоминал. Память же у него была необыкновенная.

На хуторе Лукин принял все меры предосторожности. Хату, куда привел их «бунчужный», окружили наши автоматчики, занявшие посты возле каждого из окон. Трех бойцов Лукин оставил в сенях, внутри комнаты рассадил своих людей таким образом, что каждый из бульбовцев оказался между двумя партизанами-автоматчиками, а последние двое «случайно» оказались у самой двери. Такая расстановка наших людей должна была отбить у атамана охоту к враждебным действиям: в случае, если бы его шайка попыталась напасть на партизан, атаман первым оказался бы жертвой своей провокации. Сам Лукин с Вале́й Семеновым и еще одним партизаном вошли во вторую комнату. Бульбы там не было. «Адъютант» поспешил доложить, что «атаман прибудет сию минуту». Когда появился Бульба, Лукин сидя ответил на его приветствие и указал на табурет, как бы подчеркивая, что хозяин здесь не Бульба, а он, Лукин, представитель командования партизан.

Атаман, как мы и предвидели, старался показать, что он настроен миролюбиво. Он обратился к Лукину по всем правилам дипломатического этикета, назвав его «высокой договаривающейся стороной», которую он, Бульба, рад приветствовать.

– Должен с самого начала заявить, что мы не считаем вас «договаривающейся стороной», – предупредил атамана Лукин. – Мы пришли говорить с вами как с изменником Родины. Договариваться нам с вами не о чем. Вы можете раскаяться в совершенных вами тягчайших преступлениях перед народом и постараться искупить свою вину, немедленно приступив к активной вооруженной борьбе с немецкими захватчиками. В этом случае мы будем просить законную власть Украины – Президиум Верховного Совета – об амнистии для членов вашей незаконной и преступной организации, разумеется, для тех, на чьей совести нет крови советских людей. Остальным мы обещаем жизнь и возможность искупить свою вину честным трудом. Вот все, что я могу вам обещать.

Бульба ответил не сразу. Очевидно, поведение и слова Лукина застали его врасплох, и «речь», которую он приготовил, теперь уже не годилась. После долгой паузы, в течение которой атаман мучительно морщил лоб, он заговорил. Судя по всему, это была все та же заранее приготовленная «речь». Она не имела ни малейшего касательства к словам Лукина, а содержала упреки по адресу Гитлера, который их, националистов, бесстыдным образом обманул: обещал власть, а сам и близко к ней не подпускает. Словом, все шло так, как мы предвидели: атаман по указке гестапо хочет усыпить нашу бдительность.

Из длинной и высокопарной речи атамана, пересыпанной к делу и не к делу иностранными словами, Александр Александрович понял истинные намерения своего «собеседника». Речь атамана была малопонятной, варварской смесью украинских слов с немецкими. Это был язык, которым, как мы после убедились, широко пользовались украинские националисты, вскормленные в берлинских пивных, в кабаках Оттавы и Чикаго, люди без паспорта, без родины, подданные международной биржи, проходимцы, готовые продать себя и гестапо, и Интеллидженс сервис, и Федеральному бюро расследований, и любой другой буржуазной разведке.

С трудом дослушав эту «речь», Лукин предложил ответить по существу: согласны ли они, Бульба и его подручные, обратить оружие против оккупантов?

– Согласен, – поспешно отвечив Бульба, но тут же добавил, что он должен «проконсультироваться и скоординировать» этот вопрос с «центром».

– Вот когда «скоординируете», тогда и будем говорить, – сказал Лукин.

Как только «переговоры» были окончены, «адъютант» трижды хлопнул в ладоши, и двое бульбовцев внесли в комнату огромную корзину со снедью. Они быстро расставили на столе бутылки с самогоном, сало, хлеб и жареную дичь.

– Прошу к столу, – обратился к Лукину «адъютант».

– Неважно вы живете, – осмотрев стол, сказал Лукин. – Ну-ка, Валя, – обратился он к Семенову, – принесите, что у нас там есть.

Семенов быстро вернулся. Он поставил на стол три бутылки вина разных сортов, московскую колбасу, сыр, печенье и галеты, положил на стол несколько плиток шоколада «Золотой ярлык» и несколько пачек московских папирос.

Все это Лукин нарочно захватил с собой в дорогу. Нужно было видеть, с какой жадностью смотрели на невиданную снедь предатели. Теперь они могли не сомневаться в том, что у партизан существует регулярная связь с Москвой.

Если к этому добавить двенадцать новеньких автоматов, три ручных пулемета, пистолеты и гранаты, которыми были вооружены сопровождавшие Лукина товарищи, что все они были одеты строго по форме и четко, по-военному, обращались друг к другу, то станет ясно, какое впечатление произвели партизаны на этих «храбрых вояк».

Наши, разумеется, не прикоснулись к еде националистов, зато националисты с жадностью набросились на угощение партизан.

Следующее свидание было назначено на двадцать шестое сентября, но состоялось оно только через месяц, так как нам пришлось кочевать с места на место из опасения, что нападут каратели.

Каратели искали нас с каждым днем все усерднее. Они рыскали по лесным дорогам, всюду «чувствуя» наше присутствие, но заставая там, где мы находились, лишь разрушенные шалаши да золу от костров.

В тот день, шестнадцатого сентября, когда у Лукина было свидание с Бульбой, в ближайших к нам районных центрах – Людвиполе, Березне, Сарнах, Ракитном – начали сосредотачиваться крупные силы оккупантов-карателей. На другой день они двинулись в свой долгий, беспорядочный и бесплодный путь. Поиски нашего отряда длились две недели и закончились тремя небольшими стычками, в которых фашисты потеряли с полсотни солдат, после чего, несолоно хлебавши, вернулись в районные центры и остались там гарнизонами.

Не было сомнения в том, что оба эти события – «переговоры» с Бульбой и приход карателей – имеют между собой связь. Наше внимание хотели отвлечь «переговорами», с тем чтобы в это время окружить нас и уничтожить.

И все же мы пошли на продолжение «переговоров» с Бульбой. Обстановка подсказывала, что атаманы считают сейчас выгодным для себя жить с нами в мире, что замирение с партиза-

нами – это для них такого же рода маскировка, как и антинемецкие «воззвания». Ну что же, мир так мир, мы-то на нем выгадаем больше, чем они.

И двадцать восьмого октября Лукин отправился на второе свидание к Бульбе.

Бульбу на этот раз окружали не только «адъютант» и охрана из бандитов, но и так называемые «представители центра». Тут был и свой «политический референт», и редактор газеты «Самостшник». Почти все они прибыли из-за границы: «редактор» жил в Чехословакии, «референт» приехал из Берлина. Они говорили на том же украинско-немецком языке, что и Бульба, и отличались от атамана только костюмами: тот был одет под запорожца, эти же предпочитали европейский костюм, пестрый галстук и маникюр, считавшийся у бандитов признаком особого лоска.

Снова речь Бульбы тянулась нескончаемо долго, и если бы не напыщенные тирады, служившие Лукину своеобразным развлечением, он едва ли бы высидел до конца ее. Лукин с трудом удерживался, чтобы не расхохотаться. Наконец Бульба заявил, что Ч: сегодняшнего дня он вступает на путь вооруженной борьбы с немецкими захватчиками и что на этой «стезе» намерен «обрести благословение божие», а заодно одобрение советских партизан, с которыми намерен жить в мире и согласии.

– Что ж, – произнес Лукин, – давайте жить в мире. Мы ваших людей трогать не будем, как, надеюсь, и вы наших. Ну а что касается вашей борьбы против гитлеровцев – начинайте. Посмотрим и оценим по результатам. Заслужите – будем за вас ходатайствовать перед правительством.

Под конец свидания Бульба предложил установить пароль во избежание столкновений между партизанами и националистами.

Лукин согласился. Пароль был установлен. На обратном пути Лукин и его автоматчики уже пользовались этим паролем. Дважды встречались им вооруженные группы националистов, их окликали: «Куда идет дорога на Львов?», следовал ответ: «Через реку», – и на этом расходились.

Можно было заметить разницу между теми одетыми как попало молодчиками, которых застали партизаны в первый раз, и этими, теперешними. Теперь они были в широких брюках, спущенных на голенища сапог, в пиджаках с отворотами, наподобие формы гестаповцев.

По примеру партизан они пытались на вопросы начальства отвечать четко, по-военному, но выходило у них так, что партизаны, несмотря на строгое предупреждение, не могли удержаться от смеха. И трудно было не рассмеяться при виде того, как эти молодчики неуклюже поворачивались кругом через правое плечо и, вытягиваясь перед начальством в положении «смирно», шатались.

Кстати сказать, рядовые националисты шумно выражали свое одобрение по поводу начала борьбы с гитлеровцами. Они радостно заявляли, что вот наконец-то они начнут «бить швабов». Трудно было понять, что это – обман, лицемерие или действительно искреннее проявление чувств.

Вернувшись в лагерь, Лукин всю ночь рассказывал нам – Стехову, Пашуну и мне – о том, что он увидел у Бульбы, что узнал, какие выводы сделал. Рассказ этот в сочетании с теми данными, какие у нас уже были, позволил нарисовать довольно подробную и, во всяком случае, верную картину.

Мы получили ясное представление о самих атаманах, наглядно увидев облик одного из них.

Бульба-Боровец прислал с Лукиным открытку – репродукцию картины, на которой какой-то художник запечатлел его физиономию. Надо сказать, что сделал он это довольно-таки выразительно.

С этой картинки, исполненной в духе крикливой модернистской живописи новейшего западного образца, смотрел дегенерат, облаченный в мундир с немецкими генеральскими пого-

нами. Жестокость – вот что выражало тупое лицо с выпяченной нижней губой, со сдвинутыми бровями, из-под которых глядели бесцветные, ничего не выражающие глаза. Волосы бобриком, под Керенского; длинные, с непомерно большими фалангами пальцы, лежащие на эфесе сабли, дополняли портрет. Над левым плечом атамана художник изобразил некую символическую фигуру в цепях, над головой – флаг с трезубом и церковь, по правую руку – марширующих, с ружьями наперевес, солдат...

Кто же, какие люди собрались под это знамя, на котором свастика была кое-как прикрыта трезубом?

Прежде всего кулацкое отродье, петлюровские недобитки, злейшие враги советского строя, движимые лютой ненавистью к нашей стране и готовые на любые преступления. Другую часть банды составлял уголовный элемент. Про этих даже не скажешь, что они против Советской власти и за Гитлера. Они хотели грабить, а в националистской банде грабежи поощрялись. Изодня в день банды кочевали по украинским селам, совершая здесь все, что вздумается, – обирая, насилая, убивая. Все это происходило с благословения гитлеровцев, которые сами не «осваивали» населенные пункты, лежащие вдали от шоссе и железных дорог, предоставляя атаманам наводить там «новый порядок».

Бросалась в глаза непримиримая вражда между отдельными атаманами. Бульба ненавидел Андрея Мельника, Мельник – Степана Бандеру. И Баядера и Мельник были платными агентами гестапо: первый носил кличку Серый, второй – Консул-первый. Бандера возглавлял так называемую «организацию украинских националистов». Это был махровый гитлеровец, выученик гестапо. Он собрал подонки петлюровской контрреволюции, беглых кулаков, весь сброд, оказавшийся после тридцать девятого года в гитлеровской Германии; собрал, вооружил и поставил на службу гестапо. Недаром учитель Бандеры Коновалец еще в 1921 году был в личной дружбе с Гитлером.

Бандера и соперничавшие с ним атаманы называли себя националистами. Они выдвигали даже территориальные претензии. Так согласно «географии», выпущенной Бандерой, Украина включала в себя Кавказ, Поволжье, Урал и даже... Среднюю Азию. Но на деле националисты были непримиримо враждебны национальным интересам украинского народа. Единственным побуждением этих вырожденцев являлась жажда обогащения, власти, единственная их «идея» – стремление «управлять» украинским народом при помощи иноземных штыков: немецких, английских, американских, все равно чьих, лишь бы больше платили за предательство.

Явившись с фашистами на советскую землю, Бандера попытался было организовать во Львове «правительство». Гитлеровцам, однако, эта затея не понравилась, и «правительство» разогнали. Впрочем, Бандера скоро успокоился. Его «хлопцы» грабили украинские села и хутора, а прибыли от грабежей шли атаману. Награбленные капиталы Бандера помещал на свое имя в швейцарский банк.

Атаманы поносили друг друга в листовках, старались скомпрометировать один другого перед гитлеровцами. В своем соперничестве и в частых стычках друг с другом они не жалели крови своих людей. В этой вражде отражался не только бесшабашный авантюризм этих вырожденцев, но и нечто большее, а именно – борьба иностранных разведок (в конечном счете работавших на гестапо), чьи интересы сталкивались здесь.

Фашисты искусно играли на вражде между атаманами, используя ее в своих целях.

Нетрудно понять, почему территория Западной Украины оказалась полем наиболее интенсивной «деятельности» украинско-немецких или, вернее, немецко-украинских националистов. Атаманы надеялись, что именно здесь они обретут поддержку, что население пойдет за ними. В таком духе они и обнадеживали гитлеровцев.

Неполных два года жизни при советском строе – срок слишком малый для того, чтобы переделать сознание освобожденных из-под власти капитализма крестьянских масс, чтобы изжить собственнические инстинкты и предрассудки, воспитанные веками.

И все же атаманы жестоко просчитались. Население возненавидело их смертельной ненавистью.

«Нейтралитетом», «антинемецкими» листовками, беспардонной демагогией националисты надеялись одурманить людей. Это не было для нас секретом, как не было секретом и то, что, ведя «переговоры» с нами, Бульба одновременно ведет переговоры и с гитлеровцами.

И действительно, не далее как тридцатого октября Бульба встретился с шефом политического отдела СД Иоргенсом и дал ему заверение с помощью обещанных шефом частей полиции очистить леса Волыни и Полесья от партизан.

Но «нейтралитет» все же связывал руки атаманам. Нам же он облегчал работу. Мы многое выгадывали, открыв себе доступ в те села, где «секирники» имели свою агентуру и где мы могли теперь работать среди населения, уже не опасаящегося зверской расправы за общение с партизанами. Мы могли теперь вести разъяснительную работу и среди самих «бульбашей». Многим из них, шедшим за атаманом по заблуждению, мы должны были открыть глаза на то, в какую преступную авантюру их вовлекли.

Глава восьмая

Ровно был одним из тихих, утопающих в зелени и погруженных в дремоту западноукраинских городов. Небольшие дома с палисадниками, малолюдные, прибранные улицы – все здесь, казалось, создано для мирной, безмятежной жизни. Русский писатель Короленко, приехавший сюда в начале века, назвал этот город вялым, и это слово, пожалуй, точнее всего определяло и облик города, и ритм его жизни.

Полтора года, в течение которых в Ровно была Советская власть, пробудили город, начали менять его лицо. Он стал шумней, начал разрастаться; появились новые фабричные здания, школы и клубы, больницы и новые жилые дома. Население города достигло пятидесяти тысяч человек. Перед войной в Ровно насчитывалось уже восемнадцать школ; два театра, много клубов и библиотек. Складывался новый, советский облик города. Теперь это был уже не вялый, заштатный городишко, а кипучий промышленно-культурный областной центр; в то же время он сохранил очарование своих тенистых улиц, своих памятников, навевавших мысли о старине.

Невозможно было примириться с тем, что немецкие оккупанты изуродовали город. Они как будто оказали ему «честь», сделав своей «столицей», и в то же время они его умертвили. В Ровно собралось огромное количество фашистов. Тут были и военные, и чиновники, и их семьи, немецкие помещики, приехавшие сюда «осваивать восточное пространство», были и «украинцы» берлинского происхождения, и всякого рода бывшие люди. Вся эта разноликая масса сновала по улицам, шумела в так называемых казино и торговала, торговала, торговала. Сделки совершались в ресторанах, учреждениях и прямо на улице. По вечерам у кинотеатров, где красовалась намалеванная на щите во всю высоту первого этажа блудливо улыбающаяся немецкая кинозвезда, собирались толпы офицеров, раскрашенных девиц, коммерсантов в котелках и в крахмальных манишках. Из окон доносилась сентиментально-эротическая музыка, слышались голоса развлекающихся офицеров... а город был мертв.

Приходько шел по городской улице с таким чувством, будто он идет по кладбищу, где похоронено все самое дорогое, что у него было. Шел и на каждом шагу читал: «Только для немцев». Куда девалась ровенская зелень! То там, то тут на месте деревьев торчали пни. Приходько заглянул в здание театра, где до войны он смотрел «Наталку-Полтавку», но теперь это был не театр, а склад награбленного добра... У входа резким окриком остановил его солдат-часовой.

...Николай Приходько первым из нас отправился в Ровно. Посылая его, мы учитывали, что он местный житель, знает город, имеет там хороших друзей, знакомых. Там у него родной брат. Но учитывали не только это. Приходько обладал богатырской силой и выносливостью. Ничто не страшило его, он рвался сюда, где опаснее. Если на марше разведчикам приходилось ходить втрое больше остальных партизан, то Приходько ходил больше любого разведчика. Получалось так, что он всегда оказывался под руками, когда требовалось выполнить какое-нибудь срочное задание.

Однажды, тоже на марше, в нескольких километрах от нас послышались выстрелы. Я послал Приходько узнать, в чем дело.

Только он ушел, явился Цессарский.

– Дмитрий Николаевич! Нельзя было Приходько посылать. У него так натерты ноги, что он не может сапоги надеть!

– Как так? – удивился я. – Он в сапогах и, по-моему, отлично себя чувствовал.

Когда Приходько вернулся, я первым делом спросил:

– Что у тебя с ногами?

– Та ничего, пустяшный мозоль.

Он говорил неправду. Сапоги были ему малы, причиняли нестерпимую боль, и в разведку он пошел босиком. Вернулся, снова надел сапоги и явился как ни в чем не бывало.

Побывать в Ровно было давней мечтой Приходько. Не проходило дня, чтобы он не напоминал об этом. Однажды, выходя из чума – как мы с чьей-то легкой руки прозвали наши шалаши, сооруженные из еловых веток, видом своим действительно напоминавшие полярные чумы, – я встретил Приходько и спросил его, готов ли он отправиться в Ровно.

– Конечно, готов! – обрадовался партизан. – Можете положиться.

Что на него можно положиться – в этом сомнений не было, но вот как одеть его, в каком виде ему показаться в городе?

Брюки и телогрейка, в которых он ходил и в которых спал у костров, порядком обтрепались, имели далеко не такой вид, в каком можно было, не обращая на себя излишнего внимания прохожих, ходить по улицам Ровно. Как назло, из трофейных вещей ничего подходящего не было. Пришлось обследовать все население лагеря: у кого сохранилась хоть сколько-нибудь подходящая для Коли одежда? Нашли, четырех бойцов.

И вот представьте такую картину. Четыре человека сидят у костра в одном белье и не понимают, зачем у них попросили одежду. Отправку Приходько в Ровно мы держали в секрете. А в палатке идет примерка костюмов на Колю. Ни один ему не годится.

– Не люди, а лилипуты какие-то, – ворчит Приходько.

Из рукавов пиджака торчат его ручищи с огромными кулаками, обнаженные почти до локтей, брюки – как с младшего братишки, еле закрывают колени. Костюмы при примерке трещат по швам. К кострам выносят костюмы и возвращают владельцам.

С большим трудом мы все-таки одели Колю. Пиджак и брюки были малы чуть-чуть, а ботинок на его ногу так и не подобрали. Пришлось отправить в сапогах, брюки навывпуск.

Приходько пошел в Ровно с документом, удостоверяющим, что «податель сего Гриценко является жителем села Ленчин».

От лагеря до города сто двадцать километров. Туда и обратно – двести сорок. Приходько отправился пешком. По расчетам, он должен был вернуться в лагерь через шесть-семь дней.

И он не опоздал, вернулся вовремя. С каким облегчением вздохнули мы, увидев издали между деревьями его рослую фигуру. Первая вылазка прошла удачно. Это было для нас большим событием.

Приходько скромно и деловито доложил о результатах своего путешествия. Но и из этого скупого рассказа мы поняли, какое тяжелое впечатление произвел на него город, который он знал и любил и который увидел теперь мертвым.

На углах улиц появились новые, немецкие таблички: «фридрихштрассе», «Немецкая улица». Приходько рассказал, что на этих центральных улицах живут сплошь фашисты. Местные жители, обитавшие там, выбрасывались на улицу. Мебель, годами нажитое Добро – все оставалось в «собственность» новым хозяевам. Не только генералы, но и офицеры, начиная от гауптмана, разместились в особняках, в лучших квартирах. К ним налетели из Германии вороньем многочисленные родственники. Как хищники, набросились они на добро изгнанных людей. Заодно новые «хозяева», сразу же по «освобождении» для себя квартир, под конвоем доставляли на сборные пункты девушек и подростков, мужчин и женщин, проживавших ранее в этих квартирах, для отправки на фашистскую каторгу.

Приходько побывал в городе у своего брата. Они не виделись с начала войны. И вот теперь оказалось, что один из них партизан, а другой... другой служит у оккупантов. Да, Иван Приходько служил у гитлеровцев и пользовался их доверием. Он был женат на немке. Когда гитлеровцы объявили о регистрации лиц «немецкой крови», Иван и его жена усмотрели в этом возможную для себя выгоду. Жена зарегистрировалась как фольксдойче. С этого дня Иван и его семья стали получать пайки и иные «блага». Ивана фашисты сделали заведующим хлебопекарней.

Братья долго молчали после того, как узнали все друг о друге. Наконец Николай поставил вопрос ребром:

– Будешь помогать партизанам или тебе дороже выгода, получаемая от врага?

Иван ответил не сразу. Он долго раздумывал над предложением брата, взвешивал все «за» и «против». Он понимал, что, согласившись на предложение Николая, можно потерять не только хлебное место, но и голову.

И все же он согласился.

Согласилась быть помощницей партизанам и его жена. Она была «немкой» только ради пайка.

Квартира Ивана Приходько по Цементной улице, № 6 стала с этого дня явочной квартирой отряда. Вскоре Иван последовал примеру своей жены и сам зарегистрировался как фольксдойче. Сделал он это по нашему заданию.

Приходько успел съездить и на станцию Здолбунов. Там он нашел старых друзей и договорился о следующей встрече.

Когда Приходько кончил свой немногословный доклад, я спросил его:

– Ну а документ у тебя где-нибудь проверяли?

– Как же, проверяли. Раза три или четыре. Все в порядке.

Это было тоже нашей победой.

Вслед за Колей мы решили послать в Ровно и других разведчиков. Задача ставилась для всех одна: подыскать надежные квартиры и установить, где и какие немецкие учреждения находятся. Снарядили Поликарпа Вознюка. Следом за ним отправили Бондарчука, тоже местного жителя. Не дожидаясь их возвращения, послали в Ровно Колю Струтинского. У него был документ с печатью Костогюльской городской управы, удостоверяющий, что предьявитель является учителем и командирует в Ровно за немецкими учебниками. Для Коли нашелся хороший штатский костюм, и он выглядел в нем так, что мы поневоле на него заглядывались.

Семья Струтинских оказалась для нас ценной находкой. Струтинские хорошо знали свой край, во многих местах имели родственников и знакомых. И главное – всем им был хорошо знаком Ровно.

Они как-то удивительно быстро акклиматизировались в отряде, стали своими людьми, получили от партизан прозвища, а это являлось верным признаком проявляемой к ним симпатии.

Николай Струтинского прозвали «Спокойный». В самом деле, он был очень спокойный человек. Если вначале мы удивлялись, как этот молодой, безусый, розовощекий парень командует хотя и маленьким, но отрядом, то теперь это не вызывало удивления. В первой же стычке Николай Струтинский проявил большую отвагу и изумительное хладнокровие. Отсюда и пошло его прозвище – Спокойный.

На Жоржа Струтинского, который был всего на год моложе Николая, мы вначале не обратили особого внимания. Как и все Струтинские, Жорж был коренастым, голубоглазым, светловолосым и отличался от брата разве лишь тем, что был пониже ростом и обладал, пожалуй, еще более спокойным и уравновешенным характером. Ходил Жорж медленно, вразвалку. «Увалень», – сказал про него однажды Лукин; так за ним и утвердилось это – Увалень.

После первых боевых операций, в которых Жорж участвовал, о нем стали говорить как о человеке, не ведающем страха. Жорж оказался метким стрелком. Со своим снятым с танка пулеметом он шел во весь рост на врага.

У пулемета не было глушителя, поэтому стрельба его наводила особенно страшную панику.

Вскоре оказалось, что Жорж хорошо знает и другие виды оружия. Как-то само собой получилось, что он начал обучать партизан прицельной стрельбе, обращению с оружием. Прозвище Увалень скоро забылось.

Третьему брату, Володе, было семнадцать лет. Его назначили сначала в хозяйственный взвод, так как он был глуховат. Но Володя запротестовал, сказал, что хочет воевать вместе со

всеми. Пришлось дать ему оружие и назначить во взвод к Коле Фадееву. Тот попытался было держать юношу в лагере, боялся, что в бою он не услышит команды. Но Володя так рвался на операции, что Фадеев в конце концов не устоял, взял его с собой и не пожалел.

Подобно Жоржу, Володя до страсти любил оружие. Почти всегда его можно было увидеть занятым своим карабином, который он все время разбирал, чистил и снова собирал.

Старика Струтинского назначили заместителем командира по хозяйственной части. Он ходил вместе с бойцами на заготовки продуктов. В этом деле он был незаменим. Зная хорошо украинский и польский языки, он умел как никто договориться с любым хозяином. Где был Струтинский, там всегда особенно охотно давали нам картофель, овощи, муку, крупу и другие продукты. Это не мешало Владимиру Степановичу участвовать и в другого рода заготовках – в партизанских налетах на вражеские склады и обозы. Он и тут был на месте, хорошо стрелял из винтовки. Очевидно, братья Струтинские были отличными стрелками по наследству.

Узнав, что мы отправляем Колю в Ровно, Владимир Степанович забеспокоился. Он очень любил сыновей. Целый день напутствовал Николая. А вечером вчетвером – Стехов, Лукин, я и Владимир Степанович – вышли его провожать. Мы остановились на Опущке леса, облюбовали одно дерево и условились, что на случай, если нам придется отойти, в дупле этого дерева для Коли Струтинского будет лежать записка. Потом расцеловались, старик сказал еще несколько напутственных слов, и Коля ушел. Мы долго провожали его глазами.

Через два дня вернулся Поликарп Вознюк. Он был очень возбужден. Поспешно доложил все, о чем узнал в Ровно, и рассказал о происшествии, которое с ним приключилось. Нашелся у него знакомый парень, работающий в немецком комиссионном магазине. Этот парень рассказал Вознюку, что в магазин каждый день приходит какой-то агент гестапо. Вознюк два дня караулил у входа в магазин, пока товарищ не указал ему на вошедшего туда гестаповца в штатской одежде. Не долго думая Вознюк дал несколько выстрелов по гестаповцу, уложил его и бросился бежать. Перебегая улицу, он наткнулся на легковую машину, в которой ехали два гитлеровских офицера; бросив в машину две гранаты, забежал во двор, перемахнул через забор и благополучно скрылся. На наш вопрос, что за фашисты ехали в легковой машине, Вознюк ответить не смог. В чинах он еще не разобрался.

Рассказав все это, Вознюк заулыбался. Я заметил, что еще во время рассказа его тянет улыбаться, но он сдерживается. Он ждал нашей похвалы.

Вместо похвалы Вознюк, к своему удивлению, получил нагоняй. Лукин укоризненно посмотрел на него и тихо, отдельно заговорил:

– Кто же это тебя, дурья голова, надоумил на таксе дело? Тебя послали, чтобы ты тихо, осторожно прошелся по улицам, посмотрел, где гестапо, где другие немецкие учреждения, и так же тихо вернулся. А ты? Ты не только не выполнил задания, но еще поднял в городе ненужную панику. Теперь там начнутся облавы, к каждому будут придирааться. Из-за какого-то паршивого агента гестапо могут пострадать наши люди. Тоже герой нашелся.

– Как же не убивать их, сволочей? – недоуменно бормотал он. – Какие же мы тогда партизаны?

При разговоре присутствовал Валя Семенов. Он молча выслушал все, что мы говорили Вознюку, а потом добавил от себя в своем обычном шутовском тоне:

– Значит, шумим, браток?

Тот пожал плечами.

– Эх ты, шумный!

Так и укрепились за Вознюком прозвище Шумный.

По всей видимости, Вознюка долго еще не понимал, в чем он провинился, за что его так отчитывали. Горячая, поистине шумная натура его рвалась к активным действиям.

Через несколько дней вернулся и Бондарчук. Одну явочную квартиру он нашел, но больше ничего сделать не сумел. В городе ему пришлось туговато. Он работал здесь до войны

и теперь встречал на улицах много знакомых, которые, естественно, интересовались, что он сейчас делает. В конце концов он напоролся на предателя и с трудом скрылся.

Самые серьезные надежды мы возлагали на Колю Струтинского. Уравновешенный, вдумчивый, с ясным, сметливым умом, он должен был добыть такие сведения, которые сразу определили бы все возможности для работы наших людей в Ровно.

Наши надежды Струтинский оправдал. Он подробно доложил не только по вопросам, которые мы перед ним поставили, но и высказал свои интересные и правильные соображения о том, как целесообразнее развернуть работу. Он связался в городе с рядом людей, заручился их согласием помогать нашим разведчикам и даже достал через них образцы документов, по которым партизаны могли свободно ходить в город и обратно.

Пробыл Струтинский в Ровно долго – свыше двух недель, – доставив большое беспокойство нам и, конечно, немалую тревогу Владимиру Степановичу. Старик вступал в разговор со всеми, кто, по его мнению, мог знать, что с Колей, но, разумеется, никто не мог ответить на этот вопрос.

Когда Коля вернулся, старик ходил сияющий и порывался поделиться с каждым своей радостью, с трудом удерживаясь, чтобы не выдать всего того, что держалось нами в строгом секрете.

Особо ценными для нас были образцы документов, добытые Николаем.

– Ну а как твой документ? – поинтересовался я и в этом случае.

– Проверяли. Да что там, он лучше настоящего.

Документы были делом рук Струтинского.

Как-то мимоходом он сказал мне, что в детстве занимался резьбой по дереву. Я предложил попробовать скопировать немецкий штамп. Коля достал циркуль, наточил свой перочинный нож, долго искал резину, наконец, не найдя, оторвал ее от подошвы своего сапога и принялся за дело. Штамп, который он изготовил, нельзя было отличить от настоящего. Тогда мы стали давать ему копировать и другие немецкие печати и штампы. Так отряд обзавелся собственным гравером.

Вначале Коля работал медленно – каждая печать занимала два-три дня, – но потом он так набил руку, что любую сложнейшую печать мастерил за три-четыре часа. Работал он теми же инструментами, какими начал, – циркулем и перочинным ножом. Резину для штампов и печатей после того, как Струтинский ободрал свою обувь, обувь многочисленной родни и уже добирался до обуви штабных работников, стал доставлять наш хозяйственный взвод.

На одном фольварке нам попались пишущие машинки с украинским и немецким шрифтами. На этих машинках Цессарский наловчился печатать любые немецкие документы по образцам, которые мы ему давали. Лукин же мастерски подделывал на них подписи любых начальников.

Цессарский печатал текст, нес на подпись Лукину, затем прикладывалась печать, сделанная Струтинским, и получался настоящий документ...

Так были изготовлены удостоверения для Приходько, Струтинского и для многих других разведчиков – документы от городских и районных управ, от частных фирм и даже от гестапо.

Они, эти наши документы, повсюду выдерживали проверку.

Глава девятая

Весь день шестого ноября в лагере царило праздничное оживление. Не было человека, кто бы в этот День оставался в чуме. В центре внимания находилась повозка, возле которой с самого утра суетились радисты, устанавливая радиоаппаратуру и добытый репродуктор. Радисты были сегодня героями дня. Каждый считал своим долгом осведомиться у Лиды Шерстневой, все ли в порядке, помогали Ване Строкову натягивать антенну...

– Не коротка ли? – волновалась, прикидывая на глаз длину антенны, Лида.

– Что вы, Лида! – успокаивал ее Ваня. – Антенна чуть ли не на километр!

Было пять часов вечера, когда радисты закончили приготовления. К этому времени партизаны окружили повозку плотным кольцом. В репродукторе раздался характерный треск, он словно откашливался, прежде чем начать, и вот начал. Полилась чистая, ласкающая мелодия вальса из «Лебединого озера». Это был милый сердцу голос Родины.

Но не ради концерта собрались сегодня вокруг репродуктора. Все ждали, все надеялись услышать большое и важное... Рядом с повозкой, за самодельным столом, сидели четверо партизан. Перед ними лежали стопки бумаги и тщательно очинённые карандаши. Условились, что записывать будут сразу все четверо: то, что пропустит один, восполнят другие.

Около шести часов послышался голос диктора Левитана; он объявил то, чего ждала вся страна, чего ждали мы, стоя под холодным осенним дождем в глухом лесу, за линией фронта: будет транслироваться доклад Председателя Государственного Комитета Обороны.

Едва диктор произнес эти слова, как на поляне стало невероятно тихо. Но вот из репродуктора вырвался шум оглушительной овации. Вздвигнувшись, захваченные торжеством этих значительных минут, партизаны все, как один, зааплодировали тоже. Казалось, что в эти минуты словно исчезли все расстояния и сами мы находимся не на лесной поляне, затерянной в глубоком вражеском тылу, а в Москве, в сияющем огнями зале.

После секундной тишины раздался голос Верховного Главнокомандующего:

«Товарищи!

Сегодня мы празднуем 25-летие победы советской революции в нашей стране. Прошло 25 лет с того времени, как установился у нас советский строй. Мы стоим на пороге следующего, 26-го года существования советского строя».

Оценивая положение на фронтах Отечественной войны, Председатель ГКО указал, что немцы, воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, бросив на фронт все свои свободные резервы, прорвали фронт в юго-западном направлении и вышли в районы Воронежа, Новороссийска, Пятигорска, Моздока, на Волгу.

Главная цель летнего наступления немцев состоит в том, чтобы окружить Москву и кончить войну в этом году. Этими иллюзиями кормят гитлеровцы своих одуроченных солдат. Но эти расчеты немцев, как и прежние их расчеты на лобовой удар по Москве, не оправдались.

Верховный Главнокомандующий со всей наглядностью показал, что если бы в Европе существовал второй фронт, то положение гитлеровцев было бы плачевным. Уже нынешним летом, летом 1942 года, гитлеровская армия стояла бы перед своей катастрофой.

«Я думаю, что никакая другая страна и никакая другая армия не могла бы выдержать подобный натиск озверелых банд немецко-фашистских разбойников и их союзников. Только наша Советская страна и только наша Красная Армия способны выдержать такой натиск. И не только выдержать, но и преодолеть его».

Эти слова покрываются бурей аплодисментов. Рукоплещем и мы, и кажется нам, что наши рукоплескания слышны в эту минуту там, в Большом театре, что слышит их вся страна.

С полной уверенностью говорит он о победе, о том, что наша армия разобьет врага в открытом бою, погонит его назад. И перед всей страной он ставит задачи: уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей. Нам кажется, что эти слова обращены непосредственно к нам.

Мы слушаем их в напряженной тишине, чувствуя, как бьются сердца, охваченные невыразимым волнением.

«Гитлеровские мерзавцы взяли за правило истязать советских военнопленных, убивать их сотнями, обрекать на голодную смерть тысячи из них. Они насилуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны, мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер. Они задались целью обратить в рабство или истребить население Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Кавказа. Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей. Но это не все. Они покрыли Европу виселицами и концентрационными лагерями. Они ввели подлую «систему заложников». Они расстреливают и вешают ни в чем не повинных граждан, взятых «под залог» из-за того, что какому-нибудь немецкому животному помешали насиловать женщин или грабить обывателей. Они превратили Европу в тюрьму народов. И это называется у них – «новый порядок в Европе». Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов.

Наша третья задача состоит в том, чтобы разрушить ненавистный «новый порядок в Европе» и покарать его «строителей».

Крепче сжимаются кулаки. Да, мы будем мстить, будем бороться до конца, до полного разгрома гитлеровской армии, до уничтожения ее.

Нашим партизанам и партизанкам – слава!» – прозвучали над поляной заключительные слова речи. В то же мгновение вспыхнула новая овация. И, как бы вливаясь в нее, раскатилось на нашей поляне мощное партизанское «ура».

Мало кто спал в эту ночь. Десятки людей, вооружась карандашами и перьями, переписывали принятые дословно радистами доклад Председателя ГКО и приказ Верховного Главнокомандующего от седьмого ноября 1942 года.

У советских людей есть прекрасная традиция отмечать свои революционные праздники трудовыми и боевыми подвигами. И мы решили отпраздновать седьмое ноября согласно этой традиции.

Задолго до праздника мы начали готовить две операции по взрыву вражеских эшелонов. В ночь на седьмое ноября две группы – одна под командой Шашкова, другая Маликова – отправились выполнять задание.

В полдень Шашков вернулся и отрапортовал:

– Товарищ командир, боевое задание в честь двадцать пятой годовщины Великой Октябрьской революции выполнено. На железной дороге подорван следовавший на восток вражеский эшелон с военными грузами и войсками!

А к вечеру вернулся и Маликов. Он также доложил, что в подарок годовщине Великого Октября взорван вражеский эшелон с техникой противника, следовавший в сторону фронта.

Днем седьмого ноября в лесу состоялась спартакиада. На лесной поляне, в километре от лагеря, все пять взводов состязались в метании гранаты на дальность и в цель, в лазании на деревья, в беге с препятствиями. Гам стоял невообразимый. Шумели, конечно, не столько участники состязаний, сколько болельщики. Их было очень много, и уже несколько дней не

прекращался между ними спор о том, кто окажется победителем. Самыми страстными болельщиками оказались старик Струтинский, Лукин и Кочетков.

Владимир Степанович Струтинский то и дело подсказывал на месте, приговаривая: «Ах, чтоб тебя!», «Вот дурья голова, промахнулся...» Лукин перебегал с места на место, подзадоривая отстающих. Кочетков же так громко хохотал и кричал, что стоять близ него было небезопасно – могли пострадать барабанные перепонки.

Самый большой шум поднялся, когда началось состязание по перетягиванию каната. Две группы тянули канат каждая на себя: кто кого осилит. «А ну... А ну... поднатужьтесь!..» – кричали болельщики. Вот одна сторона, обессилев, ослабила канат. Победители, перетянув конец, повалились на землю. Взрыв смеха снова огласил лес.

Праздник закончился концертом партизанской самодеятельности. Началось с хорового пения. Пели «Марш энтузиастов» – песню, без которой у нас не обходился ни один из торжественных вечеров. Запевало несколько голосов, остальные подхватывали припев. Потом затанули нестареющую песню про Катюшу. Не успели кончить «Катюшу», как поднялся Владимир Степанович Струтинский и, дирижируя обеими руками, затанул: «Реве та стогне Днипр широкий...» Кругом заулыбались, подхватили. Песню знали все, не только украинцы, но и русские, и даже казах Дарбек Абдраимов с чувством подтягивал непонятные ему слова.

Вышли в круг плясуны: нашлись мастера и гопака, и камаринской, и лезгинки, и чечетки. За танцорами последовали чтецы. К костру подошел двадцатилетний партизан Лева Мачерет. До войны он учился на литературном факультете.

– Я прочитаю вам стихи Николая Тихонова «Двадцать восемь гвардейцев».

Читал Мачерет очень хорошо. Его вызывали на «бис» несколько раз.

Уже под конец вечера поднялся Николай Иванович Кузнецов. Он был в приподнятом настроении и вместе с тем сильнее, чем всегда, задумчив и сосредоточен. Не сказав, что будет читать, он сразу начал:

– «Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море...»

Читал Кузнецов негромко и спокойно, иногда останавливался, припоминая или задумываясь, – читал так, будто делился со слушателями своими мыслями; и оттого, что мысли эти были самые сокровенные, чтение действовало с особой впечатляющей силой.

«Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...»

Я посмотрел на бойцов. Они сидели серьезные, торжественные и какими-то новыми глазами смотрели на Кузнецова. «Песня о Соколе» звучала у него как исповедь. Но не только его личное, кузнецовское, звучало в этом чтении. Слова горьковской «Песни» как будто относились непосредственно к нам, слушателям Кузнецова. В них говорилось о высоком призвании человека. Они звучали как гимн мужеству. И каждому из нас хотелось вслед за Кузнецовым повторять слова этого гимна:

«О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время – и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!..»

Концерт еще продолжался, когда Кузнецов, отведя меня в сторону, обратился со словами, в которых не было, конечно, ничего нового и неожиданного, разве лишь то, что сказаны они были на этот раз более решительно.

– Прошу послать меня немедленно. Я считаю, что слова Верховного Главнокомандующего насчет рас платы с фашистскими мерзавцами обращены в первую очередь ко мне. Конечно, рано или поздно эти палачи за все поплатятся. Но я в силу обстоятельств имею возможность действовать уже теперь, и я прошу вас не лишать меня этой возможности.

Откладывать его отправку было больше невозможно.

– Хорошо, Николай Иванович, собирайтесь. Он облегченно вздохнул.

– Но, пожалуйста, не думайте, – продолжал я, – что вы будете ходить по улицам и стрелять. Не настраивайте себя на это. Думаю, что стрелять-то вам не придется довольно долго. Вы разведчик, ваше дело – добывать данные о гитлеровцах. А это куда труднее, чем поднять шум на улице.

– Понимаю, – проговорил Кузнецов.

Он был явно раздосадован. Может быть, в этот момент он представлял себя расхаживающим в немецком мундире по улицам Ровно. Если здесь, в отряде, он мучился невозможностью активно бороться против фашистских извергов, то каково же будет это чувство там, в городе, в гуще гитлеровцев, с которыми ему там придется жить бок о бок!

– Вам будет нелегко, – сказал я. – Потребуется величайшее самообладание. Придется черт знает с кем водиться, строить на лице приятную мину в тот момент, когда захочется своими руками задушить палача.

– Понимаю, – повторил Кузнецов. – Что ж, я готов и к этому.

Он много дал бы за возможность поступать так, как велит ему сердце. Мы лишали его этой возможности. И все же Николай Иванович радовался, что вот наконец его отправляют в город. Я видел, как взволнован этот сдержанный, внешне хладнокровный человек. Глядя на него, я вспомнил себя в тот час, когда получил задание партии...

В попутчики Кузнецову мы решили дать Владимира Степановича Струтинского. Старик имел в городе родственников и мог познакомить с ними Николая Ивановича.

Для тех, кто знал об отправке Кузнецова, эти дни были днями большого волнения. Сам Николай Иванович на глазах у товарищей вел себя так, будто ничего особенного не происходит. То ли он после того, как Гаан и Райе признали его за настоящего немца, был уверен в успехе, то ли искусно скрывал свою тревогу, но он со снисходительной улыбкой следил за тем, как мы со Стеховым и Лукиным обсуждаем каждую мелочь его костюма, как прикалываем и перекалываем нашивки и ордена на его мундире. Мундир был трофейный, его подправили, пригнали по фигуре Кузнецова, и Николай Иванович выглядел в нем настоящим щеголем. Для нас было целым событием, когда нашлись хорошие сапоги по его ноге, когда удалось раздобыть значок члена национал-социалистской партии. Сам же Кузнецов оставался ко всему этому до обидного безучастным. Он хотел ехать немедленно, а наши приготовления его задерживали.

То, к чему готовился Кузнецов, держалось в тайне от всего отряда. В случае, если бы в наших рядах оказался подосланный фашистами агент, он ничего не знал бы о Кузнецове. Как ни трудно было соблюдать конспирацию в условиях лагеря, мы твердо придерживались правила: никто не знает того, что лично его не касается.

Если Кузнецов не испытывал или ничем не выдавал своего беспокойства, то спутник его, Владимир Степанович, в первые дни буквально не находил себе места.

Для него поездка в Ровно была сопряжена с немалым риском. В городе многие его знали и знали, что он отец партизанской семьи. Эта поездка была для него первым ответственным заданием. Я не видел ничего зазорного в том, что он волнуется и робеет. Но однажды, уже накануне отъезда, все-таки сказал ему:

– Может, вас действительно не следует посылать, Владимир Степанович?

– Почему? – вскинулся он. – Раз уж сказал, то пойду, сделаю все, что надо.

Неизвестно, когда он и Кузнецов спали. Днем оба были заняты приготовлениями, а вечерами и по ночам сосредоточенно беседовали, прохаживаясь в стороне от товарищей или сидя где-нибудь на пенке.

Струтинский и Кузнецов поехали в Ровно на фурманке: старик – ямщиком, Кузнецов – в качестве тылового офицера. Он сам составил текст удостоверения, дал Цессарскому отпечатать, Лукину подписать. Документ удостоверял, что он, лейтенант Пауль Зиберт, является виртшафтс-офицером, ведающим продовольственными заготовками в Людвипольском и Кле-

совском «гебитах» Ровенской области. В документе содержалась просьба оказывать Паулю Зиберту всемерное содействие в его работе.

Километрах в восемнадцати от Ровно партизаны остановились на хуторе у родственника Струтинского Вацлава Жигадло. Узнав, в чем дело, Жигадло сказал:

– Пожалуйста, мой дом в вашем распоряжении. Когда нужно, останавливайтесь. Но делайте все осторожно, а то и себя погубите и меня.

У Жигадло было десять детей. С приходом фашистов он лишился большой помощи, которую получал от Советской власти по многосемейности. Теперь, при гитлеровцах, жилось плохо: семья голодала, дети не могли учиться.

Около самого Ровно Струтинский остановился еще у одного родственника. Там была оставлена фурманка. В город пришли пешком.

Шли они по городу так: Кузнецов – по одной стороне улицы, Владимир Степанович – по другой.

Старик долго потом рассказывал, не мог успокоиться:

– Я иду, ноги у меня трясутся, руки трясутся, вот думаю, сейчас меня схватят. Как увижу жандарма или полиция, отворачиваюсь. Такое чувство, будто все на тебя подозрительно смотрят. А Николай Иванович, гляжу, идет как орел. Читает вывески на учреждениях, останавливается у витрин магазинов – и хоть бы что. Встретится немец – он поднимет руку: «Хайль Гитлер!» Часа четыре водил меня по городу. Я ему и так, и эдак делаю знаки, утираю нос платком, как условились, – дескать, пора, – а он ходит и ходит. Бесстрашный человек!

В Ровно Струтинский познакомил Кузнецова еще с одним своим родственником – Казимиром Домбровским, который имел небольшую шорную мастерскую, где чинил седла и упряжь. Казимир Домбровский согласился помогать партизанам и дал в этом Кузнецову и Струтинскому торжественную клятву. Надо сказать, что клятву свою он сдержал.

Позже шести часов ходить по улицам было запрещено, поэтому партизаны заблаговременно покинули город, уселись в фурманку и направились в лагерь. Кузнецов был очень доволен. Его появление не вызвало никаких подозрений – значит, он по-настоящему натренировал себя на немецкий лад. Но вот с костюмом оказалось не все ладно. На нем был летний мундир, а немецкие офицеры в это время ходили уже в шинелях и демисезонных плащах. Он был в пилотке, а пилотки носили только фронтовики, – в Ровно большинство офицеров было в фуражках.

Прежде чем послать Кузнецова во второй раз, мы справили ему новое обмундирование. Теперь мундир для него шил известный варшавский портной Шнейдер.

Кого только не было у нас в лагере! И сапожники, и пекаря, и колбасники, и вот этот портной Шнейдер, живший до войны в Варшаве. Когда польскую столицу заняли гитлеровцы, евреев согнали в гетто. Родственники Шнейдера были расстреляны, сам он уцелел лишь благодаря тому, что его взял к себе на квартиру немецкий генерал, кажется, комендант города. Он поместил портного в маленькой каморке на чердаке своего особняка и заставил шить не только на себя, но и на других офицеров. Плату за работу генерал брал себе. Но и за это Шнейдер благодарил судьбу, с ужасом вспоминая о тех, кто оказался в гетто. Однажды генерал заявил ему, что больше не намерен держать его у себя. Из гетто путь был один – под расстрел. И Шнейдер решил бежать. Это ему удалось. После долгих мытарств он попал к нам в отряд. И вот первый раз в жизни портной с любовью и тщательностью шил немецкий мундир...

После первого опыта Николай Иванович стал частенько бывать в Ровно. Ездил он туда обыкновенно с Колей Струтинским или с Колей Приходько. Останавливался либо у Ивана Приходько, либо у Казимира Домбровского.

Николай Иванович стал знакомиться с немцами – в столовой, в магазинах. Мимоходом, а иногда и подолгу беседовал с ними. В ту пору в Ровно все разговоры вертелись вокруг боев на Волге. Немцы были встревожены. Неоднократно волжская твердыня объявлялась взятой,

а бои все продолжались и продолжались и даже, судя по сводкам Геббельса, не приносили гитлеровцам успеха. Носились слухи, что армия Паулюса попала в окружение.

Одновременно с Кузнецовым направлялись в Ровно и другие товарищи, но они, как правило, не знали, кого и когда мы посылаем. Тех, кто ехал в Ровно, мы предупреждали: если встретите своих, не удивляйтесь и не здоровайтесь, проходите мимо.

Однажды мы отправили Николая Ивановича с особенным комфортом. Достали прекрасную пару рысистых лошадей – серых в яблоках – и шикарную бричку. Я приказал Владимиру Степановичу дать этих лошадей Кузнецову. Чем богаче он будет выглядеть, тем безопаснее: никто его не остановит. Но так как на этот раз Кузнецов должен был на несколько дней задержаться в Ровно, я велел ему, как только он въедет в город, бросить лошадей.

Владимир Степанович взмолился:

– Таких лошадей бросать! Побойтесь бога! Давайте я вон тех рыженьких запрягу.

Просил, уговаривал, чуть не плакал, но ничего не добился. Кузнецов отправился на хороших лошадях. Возницей поехал Коля Гнедюк, у которого были свои задания по разведке.

Через три дня вдруг в лагерь приезжают на кузнецовских рысаках, в той же бричке, наши городские разведчики Мажура и Бушнин. Оба они постоянно проживали в Ровно, в отряд являлись только по вызову.

Я не на шутку взволновался. Мажура и Бушнин не знали Кузнецова, а тем более не знали, что кто-нибудь от нас послан в Ровно в немецкой форме. Как же они могли встретиться? Кто передал им лошадей и бричку? Неужели провал?

Я быстро направился к приехавшим, а там Владимир Степанович уже с радостью похлопывал лошадок.

– Что случилось? – спрашиваю Мажуру. – От куда у тебя эти кони?

– Да целая история. У немцев сперли.

– Как так?

Мажура не торопясь отошел со мной в сторону и с улыбкой, которая меня страшно раздражала, начал рассказывать:

– Были мы на своей явочной квартире. Собирались уже в лагерь. Вдруг видим в окно – на этих лошадях подъехал какой-то немец, офицер. Слез с брички и ушел. Извозчик снял уздечку, надел лошадям на головы мешки с кормом и тоже ушел. Ну, мы с ребятами смозговали: чего нам пешком идти в лагерь! Взяли лошадей – айда! На «маяке» отдохнули ночь и вот прикатили. Правда, хорошие, лошадки, товарищ командир?

– Лошадки замечательные, особенные лошадки! Молодцы! Немцы вас не поблагодарят, – сказал я, с трудом удерживаясь, чтобы не расхохотаться.

Одиннадцатого ноября нам удалось принять самолет из Москвы. Площадка около деревни Ленчин, указанная Колей Струтинским, оказалась очень хорошей и удобной. К тому же мы буквально прошупали там каждую травинку, сровняли все бугорки. Пришлось даже спилить тригонометрическую вышку, стоявшую в четырех километрах от площадки. Крестьяне были довольны: вышка подгнила, и они боялись несчастного случая.

Накануне той ночи, когда мы собирались принимать самолет, в село Михалин, километрах в девяти, прибыла на автомашинах большая группа гитлеровцев. Мы выслали в дорогу засаду с твердым наказом: фашистов в нашу сторону не пропускать!

Согласно условиям Москвы мы должны были каждые полчаса выпускать красные и зеленые ракеты, чтобы пилот за много километров мог видеть место посадки. Эти ракеты подвергали нас еще большей опасности.

Все, однако, прошло благополучно. В час ночи мы услышали гул моторов. Подлили скипидару в костры, и они загорелись ярким пламенем.

Посадка прошла превосходно. Радовались удаче не только мы, не было конца восторгам и жителей села, когда советский самолет пронесся над крышами их домов и побежал по полю, ярко освещая все вокруг огнями своих фар.

Самолет пробыл у нас сорок минут. Оставил нам письма и подарки. Мы погрузили раненых, документы и письма родным. На этом самолете улетали в Москву Флорежакс и Паста-ногов – им надо было еще лечиться, – а также и приемыш Пиня. Улетал и Александр Александрович Лукин для доклада о положении в тылу противника. Погрузилась также команда самолета, потерпевшего аварию при посадке. В Москву были отправлены ценности, отбитые у фашистов: мы вносили их на постройку нового самолета.

Самолет зашел на старт, плавно поднялся в воз дух, сделал два круга над поляной и, дружески покачав крыльями, улетел.

Глава десятая

На хуторе Вацлава Жигадло мы организовали «маяк». От города до лагеря было больше девяноста километров. Курьер связи мог проделать этот путь лишь за двое суток.

Теперь, когда у нас появилась база на хуторе, дело облегчалось: курьер из Ровно шел только до «маяка», здесь его ждал другой, делавший на сытых и отдохнувших лошадях вторую половину пути – от «маяка» до лагеря.

В конце декабря я вызвал в лагерь всех разведчиков. В Ровно и на «маяке» находились в то время Кузнецов, Николай и Жорж Струтинские, Приходько, Гнидюк, Шевчук, в общем человек двадцать.

По нашим расчетам, они должны были прибыть в лагерь на рассвете. Но прошло утро, прошел день, а разведчики не появлялись. Я, Стехов и еще немногие, знавшие об этом, спать уже не могли и ночью сидели взволнованные у костра. Что могло случиться с людьми? Напали на карателей, попали в засаду бандитов? Предположения одно мрачнее другого.

– Подождем до утра, – предложил я. – Если не придут, пошлем за ними.

В три часа ночи является дежурный по лагерю:

– Товарищ командир! Разрешите доложить – прибыл Кузнецов.

– А где остальные? – вырвалось у меня. Дежурный не знал, что мы кого-то ждем. Он не понял моего вопроса и был крайне удивлен, что все сидевшие у костра в тревоге поднялись с места. Не успел он ответить, как к костру подошел Николай Иванович.

– Разрешите доложить, товарищ командир. Разведчики прибыли.

– Где же они?

– Там, за постом. Охраняют пленных.

– Каких пленных?

– А мы разбили отряд карателей.

Я передал дежурному распоряжение принять пленных и с облегчением вздохнул.

– Ну, теперь спать уже некогда. Рассказывайте, Николай Иванович, что там с вами произошло.

К нам подошли разведчики, бывшие с Кузнецовым, поздоровались и тоже устроились у костра.

– Путаная история, товарищ командир, – начал Кузнецов. – Не знаю, с чего начать. Собрались мы на «маяке» и направились в лагерь. По дороге встречаем Тарасенко. Бросается он нам навстречу. «Хорошо, – говорит, – что я вас увидел». – «В чем дело?» – спрашиваю. «Я узнал, – говорит, – что людвипольский гебитскомиссар в отпуск собирается. Скоро повезут на фурманках награбленное барахло – чемоданов десять, не меньше. Фурманки сопровождают жандармы.

Сам гебитскомиссар выедет двумя часами позже на машине, погрузится со своими «трофеями» на поезд в Костополе». Как пропустить такой случай? – Кузнецов взглянул на меня. – Сообщать вам и просить разрешения поздно, никакой курьер не сможет обернуться. Посоветовался с ребятами. Сами понимаете, как они встретили это дело... Решили познакомиться с гебитскомиссаром. Залегли мы на шоссе Людвиполь – Костополь. Место неудобное, голое, реденькие кустики и ничего больше. На шоссе Гросс заложил мину, шнур засыпал землей, протянул к Коле Приходько. Ждем час, другой, третий – ни багажа, ни гебитскомиссара. Вдруг видим километра за три впереди от нас клубы черного дыма, потом кое-где огонь показался. Слышим – пулеметная очередь. Догадались – каратели жгут село. Прошел после того час или немного меньше – появляется на шоссе обоз. Едет со стороны горящего села. Десятка два фурманок. На передней четыре гестаповца – их мы сразу узнали по черным шинелям. За ними жандармы, ну и еще всякий сброд, секирники. Это, конечно, не те, кого мы ждали, но надо было

нападать. Деревню сожгли, негодяи. Дальше – понятно. Приходько дернул за шнур. Гестаповцы сделали сальто-мортале – и на землю. Тут мы давай резать из автоматов по колонне. Кто отличился, так это Жорж со своим пулеметом. Дело было в открытом поле, спрятаться гестаповцам некуда – бегут куда глаза глядят, а мы по ним из их же винтовок. Пленных привели двенадцать человек, все полицаи, жандармов живых не осталось. Ну, трофеи, документы взяли... Я знаю, Дмитрий Николаевич, – Кузнецов усмехнулся, заметив мой нетерпеливый жест, – вы собираетесь пробираться, будете говорить, что у нас, разведчиков, другие задачи. Но вы подождите, я еще не кончил. По дороге допрашиваем пленных, оказывается, они нас искали. То ли кто-то следил за Тарасенко, то ли другое что, но только гебитскомиссару стало известно, что на него готовится засада. Он отложил поездку и выслал карателей. Они устроили на нас засаду около села Озерцы, а мы сами в засаде, в трех километрах от них. Они ждут нас, мы – гебитскомиссара. Стал холод их пробираться, они и разложили костры возле деревни. Крестьяне почуяли недоброе – и толпой в лес. Гестаповцы заметили это. У них явилось предположение, что крестьяне хотят предупредить партизан, а может, крови захотелось. Дали команду полицаям, те стали ловить и расстреливать перепуганных крестьян. И на этом не успокоились. Начали жечь дома. Убивали людей, бросали в горящие хаты... Все это мы узнали от пленных. Сами можете с ними поговорить... Думаю, мы правильно поступили, – закончил Кузнецов свой рассказ.

Наступила тишина. Что я мог сказать Кузнецову, когда сам на его месте поступил бы точно так же?

Николай Иванович подал мне какую-то вещичку:

– Мой личный трофей.

Это был жетон из белого металла на прочной цепочке. На одной стороне было написано: «Государственная политическая полиция» – и ниже: «4885». На обороте был изображен фашистский орел со свастикой.

– Эта бляха, – пояснил Кузнецов, – была у старшего гестаповца, который сейчас валяется на шоссе. Мне она, пожалуй, пригодится.

Диверсии, операции по взрыву эшелонов, мостов, различных предприятий противника стали неотъемлемой частью работы нашего небольшого разведывательного отряда. Обойтись без этого было невозможно хотя бы потому, что ни я, ни Стехов не могли противостоять напору наших партизан, жаждавших видеть реальные, физически ощутимые результаты своей работы в тылу врага.

С другой стороны, появилась практическая необходимость в подобных операциях. По мере того как отряд рос, людей, свободных от разведки, становилось все больше и больше. Теперь мы могли позволить себе заниматься и чисто партизанскими делами.

Кстати, чем дальше от нашего лагеря выбирались объекты таких дел, тем спокойнее мы могли заниматься нашей основной работой, зная, что диверсиями отвлекаем от нее внимание фашистов. Так сам собой разрешился наш давний спор со Стеховым.

У... Однажды, при очередной встрече с Константином Ефимовичем Довгером, Виктор Кочетков узнал, что в Сарнах гитлеровцы освободили большой дом и спешно приступили к его оборудованию.

Комендант города, члены городской управы и украинские полицаи разыскивали у населения лучшую мебель – зеркальные шкафы, никелированные кровати, мягкие кресла. Многие семьи лишились в этот день годами нажитого добра.

– На ваших креслах будут отдыхать наши герои Восточного фронта, – говорили фашисты жителям. Наши разведчики заинтересовались сообщением Довгера. Скоро они узнали, что здание переоборудуется под дом отдыха для старшего и среднего офицерского состава гитлеровской действующей армии и что в ближайшие дни ожидается прибытие в Сарны первого эшелона.

Мы решили устроить достойную встречу «героям», приезжающим на отдых.

К этому времени у нас сложилась крепкая группа подрывников – людей большой храбрости и исключительной любви к опасной профессии минера. Старшим в этой группе был инженер Маликов, человек скромный и отважный, наш лучший шахматист. Вместе с ним обычно ходили на операции командир взвода Коля Фадеев со своими ребятами и испанец Хосе Гросс. Еще в годы войны испанского народа против фашистов Франко Гросс отличился в минировании дорог. У нас Гросс работал по той же специальности и был непревзойденным мастером своего дела.

Группа в сорок два человека во главе со Стеховым, не упуская случая пойти на интересную операцию, с вечера заняла позиции у полотна железной дороги. В полночь подул сильный ветер, сырой снег тяжелыми, липкими хлопьями стал застилать землю. Всю ночь, дрожа от сырости и холода, лежали бойцы, не имея возможности даже закурить. Мимо по полотну прошла группа немецких солдат с фонарями. Путьевые обходчики. Мины они не заметили. Ночь была на исходе, а состав не появлялся. «Может быть, где-нибудь произошла диверсия и движения не будет, пока не расчистят путь?» – подумал Стехов.

Ему было обидно уходить ни с чем. А уходить с рассветом надо обязательно: дорога оголена – гитлеровцы по обе стороны ее вырубали деревья и кустарники, – скрыться большой группе партизан днем будет невозможно.

Но вот сигнальщики, выставленные вперед, дали знать, что с востока идет поезд. Вскоре послышался его характерный шум. Но уже по стуку вагонов было ясно, что идет порожняк.

– Пропустим, – сказал Стехов.

Через полчаса появился второй состав – и тоже порожняк. Впереди паровоза шли платформы, груженные балластом. Расчет у гитлеровцев был такой: если дорога минирована, взорвется балласт.

Стехов догадался, что эти два поезда пущены для проверки.

– Приготовиться! – приказал он.

И вот показался груженный состав. За паровозом длинной лентой пассажирские вагоны. В окнах бледно мерцает синий маскировочный свет.

Когда паровоз прошел линию засады и поравнялся с Маликовым, тот дернул шнур от мины. Мина взорвалась, паровоз дрогнул, остановился; вагоны образовали месиво лома, задние грохотали на те, что были впереди, давя и ломая их.

Из уцелевших вагонов начали выскакивать фашисты.

– Огонь! – скомандовал Стехов.

Первым заговорил партизанский крупнокалиберный пулемет, снятый с разбившегося самолета и установленный на специально приспособленной для него двуколке. Пули изрешетили котел паровоза. Затем дуло пулемета ровной линией прошло по вагонам. Пулеметную стрельбу дополнял огонь из автоматов.

Минут сорок продолжался обстрел эшелона. Маликов видел, как один офицер выскочил из вагона и начал громко смеяться: помешался со страху.

Было уже совсем светло, когда группа отошла в лес.

Через два дня Виктор Васильевич Кочетков доложил о результатах этой диверсии.

Разведчики установили, что эшелон вез в Сарны на отдых офицеров – летчиков и танкистов. Через час после отхода наших подрывников на место диверсии прибыли фашисты. Они оцепили район катастрофы, никого не подпускали к разрушенному составу. Убитых и раненых отвозили на автомашинах и автодрезинах в Сарны, Клесово и Ракитное. Сколько убитых, точно не было установлено, но только в Сарны привезли сорок семь трупов. Из Клесова и Ракитного несколько человек убитых отправили в Германию. Вероятно, то были важные персоны.

Когда стало известно, что наши войска прорвали немецкий фронт на Волге и окружили 6-ю и 4-ю гитлеровские армии, мы испытывали чувство неизъяснимой гордости и счастья: пусть небольшая, скромная, но и наша доля есть в этом великом деле.

Потерь при ликвидации офицерского эшелона у нас не было. В бою у бойца Ермолина пуля пробила каблук. Но с Ермолиным это случалось постоянно. Удивительно, до чего пули любили его! В любой стычке, самой короткой, пуля обязательно попадет в Ермолина, вернее – не в него, а в его одежду: то в шинель, то в фуражку, то вот как теперь – в каблук. После каждого боя Ермолину приходилось сидеть и штопать свое обмундирование. Только однажды за все время боев он был ранен – и то шутя, в палец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.